

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРОДАНО
БОЛЕЕ
3 000 000
КНИГ!

ГРЕХ С АРОМАТОМ ПОЛЫНИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Грех с ароматом полыни

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Грех с ароматом полыни / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2020 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-110211-1

Капитана Еву Звонареву за сложный и принципиальный характер уволили из полиции, но и после этого резонансное дело с ее участием приобрело пугающий масштаб. В прессе ее клеймили как неуравновешенную особу с психическими отклонениями, даже приписывали «инстинкт убийцы» – якобы она сама застрелила молодого мажора, чей папочка заказал ее травлю в СМИ. Ева не обращала бы на это внимания, если бы дотошные журналюги не вытащили грязные факты из ее прошлого – голодного и холодного сиротского детства, когда ей действительно пришлось убить, чтобы выжить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110211-1

© Романова Г. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Владимировна Романова

Грех с ароматом полыни

© Романова Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Она вогнала штык лопаты в землю. Легко вогнала, хотя земля, спекшись под августовским солнцем, больше напоминала асфальт, а не картофельную грядку. Чуть наклонилась и почти без усилий вывернула твердый ком почвы. Подбросила его повыше. Ком упал, распался в пыль. И на грядке остались лежать шесть картофелин, размером чуть больше грецкого ореха.

Смех, а не урожай!

Картошка не уродилась. Морковка напоминала тощий крысиный хвостик. Следов свеклы не нашлось. Помидоры завяли через неделю после высадки. Только мучает землю и себя заодно.

– Не годишься ты, Ева, для сельского хозяйства. Зачем взялась?

Лида Ермакова, чей участок находился слева от ее, каждый день ругала Еву, нависая грудью над низеньким заборчиком.

– Только землю мучаешь. Ей бы плодоносить, столько лет под парами стояла. А ты ей не даешь! Ведь просила же отдать мне участок в аренду. Настырничает?

Нет. Она не настырничала. Она просто не хотела, чтобы по ее участку жирными змеями расползлись резиновые шланги, подающие воду и удобрения. Чтобы Лида тут без конца сновала, стояла в позе «задом к солнцу» и совала нос не в свои дела. Особенно не хотелось ее вопросов!

– А ты чего это в небо смотришь? Уже полчаса, и даже не моргаешь!..

– Ева, а это что у тебя в руке? Пистолет?! Самый настоящий?! Ох господи! Зачем он тебе?...

– А что это у тебя за папки такие с тесемками? Дела? Ты их украла? Из полиции, когда уходила, украла?...

Лида ухитрялась доводить ее до бешенства своими многочисленными вопросами, находясь по ту сторону забора. Что же будет, когда она пересечет этот рубеж и будет в непосредственной близости?

Бесцеремонность и назойливость была у нее заложена на генетическом уровне. Перевоспитать ее будет невозможно, даже если Ева и приложит максимум усилий. Поэтому она решила – нет. Никакой аренды. Пусть так.

– А тебя оштрафуют, – пригрозила Лида вчерашним вечером, обиженно помолчала и добавила: – За то, что земля сорняком зарастает.

– А я ее травой засею. – пообещала Ева, лениво улыбаясь трудолюбивой соседке по даче. – И буду стричь газонокосилкой раз в два дня.

– Ага! Ты будешь! – недоверчиво покрутила Лида головой. – С твоими-то навыками.

И, повернувшись, пошла прочь от забора.

– С какими навыками? – крикнула ей вслед Ева.

Она, конечно, поняла, на что Лида намекает. Не дура! Поняла и пристала. Зачем, спрашивается? Чтобы еще раз услышать? Чтобы снова ковырнуть подсыхающую болячку?

Совсем свихнулась. Мазохистка чертова!

– С какими навыками, Лида? – громче заорала Ева в широкую спину своей соседки по даче.

– А то ты не знаешь, – фыркнула та, оборачиваясь. – С навыками убийцы, Ева. Так все про тебя писали зимой. Все газеты и журналы. Черным по белому: навык убийцы помог офицеру полиции Еве Валентиновне Звонаревой выжить, бла-бла-бла. И так далее.

Конкретно про «навык убийцы» Ева не читала. Много читала про ошибку кадровой политики полиции, в ряды которой она затесалась. Про собственную профнепригодность. Про превышение служебных полномочий.

И... так далее, как скажет Лида.

Кто же, интересно, написал о ней именно так? Какой-нибудь острослов, выпрыгнувший одновременно и со студенческой скамьи, и из коротких штанишек? Корреспондент с именем поостерегся бы именно так о ней писать. Побоялся бы судебного преследования и... так далее.

– А что это за навык такой, Лида? Расскажи? – пристала вчера к ней вечером Ева, не желая отпускать дело просто так.

– А я знаю! – Лида остановилась, повернулась, спрятала руки за спиной. – Так писали!

– А что еще писали? – вкрадчивым голосом поинтересовалась Ева. – Мне вот некогда было читать. Все пропустила, пока со мной разбирались. Пока допрашивали, пока увольняли. А? Что еще писали? Про этот самый навык?

– Ну... – Лида задрала голову к небу, начинавшему темнеть к ночи. – Что когда-то давно ты жила за границей в неродной семье. Там было много приемных детей. И что те люди воспитывали вас, как наемников. Учили... Типа выживать в трудных условиях, еще убивать учили.

Раскопали! Надо же!

Раскопали историю ее страшного сиротского детства. Расписали, идиоты, под школу боевых искусств. Только все там было немного не так. Правильнее, совсем не так.

Заграница была совсем ближней. Бывшая союзная республика. Родные родители Евы находились там в командировке и однажды погибли на горной дороге, когда сель сошел. Она в это время была в детском саду в той же республике. Оформили на полгода, пока родители работали. После их гибели родственников не нашлось, и Еву из детского сада напрямую отправили в местный детский дом. А оттуда ее забрала многодетная семья уважаемого человека, который...

Ева стиснула зубы и тут же запретила себе вспоминать. Это было всегда страшно, это было всегда больно. Тот, кто написал про это, не знал и сотой доли истины. Он просто не мог знать.

Или знал?

– Не верь никому, Лидочка, – с вялой улыбкой произнесла Ева и ушла в дом.

Уселась в скрипучее плетеное кресло на веранде и просидела, почти не двигаясь, до четырех часов утра. Она ни о чем не думала в эти часы. Она ничего не видела. Она просто отключила себя, как делала всегда, когда острая боль подступала слишком близко к тому, что многие привыкли называть душой.

Она не знала, что Лида проторчала у своего окна, выходящего на ее веранду, до полуночи. Она горестно вздыхала, ругала себя за несдержанность и грубость и даже всхлипывала от жалости к соседке. Заодно и себя жалела. Спала бы уже давно, а приходилось топтаться и караулить эту малахольную.

Ближе к полуночи Лида устала наблюдать за странной соседкой. Покрутила пальчиком у виска, протяжно зевнула и ушла спать.

Утром, когда она вышла на улицу, Ева уже ковыряла лопатой слежавшуюся землю, пытаясь нарыть картошки.

Только откуда же ей было там взяться! За картошкой особый уход требуется. А она – ее странная соседка Ева – решила, что просто воткнуть в землю семена будет достаточно? Вот и получай урожай – курам на смех.

– Как картошечка? – не выдержав долгой томительной тишины, крикнула Лида и привычно повисла грудью на заборе.

– Никак, – отозвалась Ева и бросила лопату на грядку. – Нет ее.

– А я тебе говорила! – обрадовалась Лида перспективе снова поучить Еву уму-разуму. – Земля ухода требует.

– Не начинай, – миролюбиво попросила Ева. Отряхнула руки, потянулась. – Давай лучше чаю попьем, что ли.

– А давай. Только... – Лида беспомощно оглянулась на свой дом. – Я еще в магазин не ходила. Булок нет.

– Я сходила. Булки есть. Еще и пряники и два пирожных. Корзиночки твои любимые. Заходи.

Повторять дважды Лиде было не нужно. Она стогнала в дом, переделась из домашнего теплого халата, который надевала после сна, в трикотажное яркое платье. Обула легкие сандалии и через пять минут входила к Еве на участок.

Всю дорогу от калитки до крыльца она неодобрительно качала головой, бубнила про руки, которые растут не из того места у Евы, и жалела землю. Но как дошла до крыльца, Лида заткнулась. Уселась на скрипучий венский стул, другого тут не было. Разложила локти на круглом старом столе, который Ева застелила по случаю совместного завтрака одноразовой белоснежной скатертью. Пробежалась глазами по тарелкам с булками, пряниками, пирожными. Удовлетворенно улыбнулась.

– Неси чайник, – скомандовала она и пододвинула к себе большую высокую чашку с ядовито-красной розой на боку.

Ева послушно ушла в дом, подхватила с плиты чайник, заварку и пошла на крыльцо. Насыпала заварки в пузатый заварочный чайник с такой же розой на боку. Влила кипяток. Села в свое старое плетеное кресло напротив Лиды. Уставилась на нее не мигая. Та сразу занервничала.

– Вот терпеть не могу, когда ты так на меня смотришь! – выпалила она через минуту. – Что?!

– Ничего. – Ева медленно качнула головой.

– Ничего себе ничего! Как же ничего, если ты смотришь как удав! Я так не могу. Это неуютно. Это страшно. Что не так, ну!

– Ничего.

Ева отвела глаза и потянулась к заварочному чайнику. Разлила заварку, долила кипятка в чашки. Потянулась за сахаром, всыпала себе сразу три ложки.

Лида наблюдала с завистью.

– Везет тебе! – скрипнула она стулом, завожившись. – Сахар жрешь килограммами. Булки мешками, а все равно тощая, как спица. А я тут с воды пухну. Почему так, а, Ева? Как думаешь?

– Порода, – ответила она туманно и отхлебнула сладкого чая из чашки.

И тут же зажмурилась от удовольствия и подумала, что она никогда не пресытится вкусной едой. Сколько бы ни прожила еще на земле, никогда не пресытится.

После стольких голодных лет в приемной семье...

– А скажи мне, Лида. – Ева перестала жевать пирожное и застыла с раздутой щекой, рассматривая соседку, словно незнакомку.

– Ну, начинается. – Та в сердцах швырнула чайную ложечку на стол. – Так и знала, что твой змеиный взгляд таит в себе какую-то гадость. Допрашивать станешь, Ева Валентиновна?

– Не. – Ева проглотила пирожное, запила чаем, улыбнулась. – Просто говорить.

– Ну!

– Не сохранились ли случайно у тебя газеты и журнала, где черным по белому некто писал о моем инстинкте убийцы? Я тут утром по Интернету пошарила. Ничего! Ничего похожего не нашла. Писали много...

– Только ленивый не писал, – фыркнула Лида, перебивая. – Шутка ли! Ты сынка знаменитого папаши подстрелила. И не его одного, а еще парочку его друзей. Заказали всю эту писанину, Ева. Чтобы шуму было больше. Чтобы создать этот... Как его?...

Лида пощелкала пальцами и беспомощно взглянула на Еву.

– Резонанс, – подсказала та.

– Именно, – похвалила Лида с благодарной улыбкой. – Хорошо, что насмерть не убила никого. Отделались испугом да легкими ранениями. А то бы... Сидеть тебе, Ева, на нарах. Точно сидеть.

– Так что, Лидочка?

– А что? – Та, съев пирожное, потянулась к сдобе.

– Не сохранилось статей у тебя лично? В Интернете ничего нет. Видимо, влиятельный папаша все же одумался. Понял, что его чаду этот шум только навредит. Станет темным пятном на его, сволочь, безупречной репутации, – скрипнула Ева зубами. – Нет статей?

– Статей?

Лида надкусила маковую плюшку, замерла, взгляд ушел в себя, шея вытянулась. Она пыталась вспомнить.

Ева ей не мешала. Медленными глотками пила очень сладкий чай.

– Надо поискать, – произнесла Лида со вздохом и принялась обкусывать плюшку по кругу. – Где-то могут быть. Печи у меня нет. Топить не надо. Выбросить я не могла. Надо искать.

– Ищи, – благословила ее Ева с осторожной улыбкой.

Заподозрить соседку по даче во лжи она не могла, хотя по привычке и хотела. Лидочка не врала, ей было незачем придумывать, что кто-то написал о ее детстве. А вот тот, кто написал, большую часть выдумал. То есть соврал. И у Евы родился логичный вопрос: зачем? Создать резонанс? Его и так хватило. Папа одного из подстреленных ею мерзавцев постарался.

Кажется, даже перестарался, если, конечно, статья о ее детстве была его заказом.

– Что, прямо сейчас искать? – вытаращилась на нее Лида. – Дай хоть чай допить, ненормальная!

– Допивай, Лидочка. – Ева шумно поднялась и двинулась с веранды к крыльцу.

– А ты куда? – заорала ей вслед соседка.

– А я докопаю картошку.

И ушла на грядку, где бросила лопату и свой неуродившийся урожай.

Она копала, возилась с мелкой картошкой, ссыпая ее в старую наволочку. Слышала, как ворчит на веранде Лида, но головы в ее сторону не поворачивала. Она устала от нее. Она вообще в последний год очень быстро уставала от людей.

– Поэтому ты принялась их отстреливать? Потому что от людей устала? – попытался пошутить один из ее бывших коллег, когда она ему в этом призналась.

Друга звали Егором. Он был ее напарником. И долгое время изо всех сил старался, чтобы быть не только им. Пытался ухаживать, заботиться. Неуклюже, неумело, но искренне.

Ева его не гнала, но и не отвечала взаимностью. Они так и не переспали.

А потом она сорвалась, наделала ошибок. Ее уволили.

Егору намекнули, что общение с опальным капитаном Звонаревой нежелательно и может навредить его карьере. Егор вспыхнул, полез на рожон, принялся нарочно афишировать их общение. Но Ева смогла его приструнить. В какой-то момент просто сказала, что не любит его и что он ей не нужен. Грубо сказала, почти не выбирая выражений. И вот уже...

А сколько? Месяца два, три? Да, что-то около того, почти три месяца они не виделись. И не созванивались. Скучает ли Егор, Ева не знала. Она же...

А, неважно!

Лида ушла, оставив на столе грязные чашки. Обиделась.

Когда их чаепитие случалось мирным, она обычно прибирала на столе. Уносила в дом чашки, мыла, ставила на полку. Булки и пряники накрывала стеклянным блюдом, чтобы не зачерствели.

Сегодня она не прибрала. Обиделась? Или ушла, чтобы найти статьи для Евы? Если так, то не очень-то она спешила. Ева успела вырыть и собрать всю картошку в наволочку, а на это у нее ушло почти два часа.

– Хороша подушечка, – пнула Лида раздувшуюся наволочку и насмешливо протянула: – И это весь урожай?

– Ага.

Ева выпрямилась, втыкая лопату в землю. Кивнула на трубочку из газет в Лидиных руках.

– Нашла?

– Нашла, – отозвалась та ворчливо. – Только не все тут. Что-то, наверное, выбросила. Три газеты нашла. Одного издания. Но точно помню, что был еще какой-то журнал. Название не вспомню никак.

– И газет достаточно. – Ева протянула руку. – Давай.

Лида отдала газеты, опустила глаза на картошку в наволочке. Спросила:

– Может, курам моим отдашь?

– Что? – Ева уже читала обведенную синим маркером статью.

– С картошкой что, говорю, будешь делать?

– А, это. – Ева вздохнула и повернулась к дому. – Есть...

Лида снова обиделась и ушла, громко хлопнув тяжелой калиткой. Ева опустилась в плетеное кресло, положила газеты на стол и принялась приглаживать их рукой, пытаясь распрямить.

Три номера одной и той же газеты. Название незнакомое. Тираж невелик.

Первая статья ее клеймила, вторая пыталась объяснить и оправдать, третья почти жалела. Автор не подписался.

Ева покусала губы, откинулась на спинку плетеного кресла, зажмурилась.

Что-то было предположением, откровенным преувеличением, что-то голыми фактами – их было немного. И об этом можно было узнать и от сотрудников социальной службы, которые спустя годы заинтересовались ее приемными родителями. Точнее, методами их воспитания.

Это было объяснимо. Влиятельный отец того мерзавца, которому она прострелила мягкие ткани его зада, мог нанять журналиста, который все это узнал. Это было объяснимо и несложно.

Но вот некоторые ее фразы. Точнее, цитаты.

Их не мог никто слышать. И знать о них не мог никто, кроме нее и того человека, который...

Который, черт побери, не мог процитировать! Его просто не было. Не было в живых. Ева знала об этом совершенно точно, потому что это она его сама убила!

Глава 2

Он не настолько нуждался в деньгах, чтобы пойти на это. Это было нечто другое. Может, зов крови? Гены побеждали воспитание? Непонятно...

Карманных денег ему всегда хватало. Его тетка Верочка, которая занялась его воспитанием после смерти матери, наивно полагала, что если у него будет достаточно денег, он не пустится во все тяжкие в подростковом возрасте. Будет хорошо учиться. Сделает осознанный выбор в будущем. Не станет вором, как его отец, которого он никогда в детстве в глаза не видел. Не сопьется, как его родной дядька, и не подохнет в канаве, нахлебавшись дождевой воды. Ее племянник, не нуждаясь в деньгах, совершенно точно вырастет нормальным человеком. Воспитанным, образованным. Возможно, сделает карьеру на родине. Возможно, поищет удачи за границей.

– Туда сейчас все едут, – рассуждала она, возвращаясь с рынка, где держала павильон по продаже мясных полуфабрикатов. – Кто-то цепляется, остается, богатеет. Кто-то возвращается ни с чем. Но это тоже неплохо, Дэн.

– Что именно? – отзывался он.

Ему были не нужны и не особо интересны рассуждения тетки. Отзывался из вежливости. Он был вежливым, это ей удалось ему привить. И учился он, по ее просьбе, хорошо. Очень хорошо. И даже обещал ей выбрать вуз, в который пойдет после окончания школы.

– Что именно неплохо, Верочка? Вернуться ни с чем?

– Да. Человек попробовал себя. Не ныл и не ждал посылов с неба. А поднял свой зад, поехал. Поискал себя. Да, не вышло. И что?

– Что?

– Надо двигаться дальше. Искать себя в чем-то еще! Не согласен?

Ее карие глаза в сетке морщин обращались в его сторону и с подозрением рассматривали.

В такие моменты ему становилось неудобно. В такие моменты из любящей его, наивной женщины средних лет, она превращалась в чертовски подозрительную тетку, выстоявшую в девяностых на рынке против рэкета, самостоятельно поднявшуюся до уважаемого многими индивидуального предпринимателя, не спившуюся и не заскучавшую от одиночества. Ей приходилось крутиться, и еще как. И обмануть ее бывало очень сложно. Особенно в такие моменты. Особенно когда она смотрела на него именно так – холодными, недоверчивыми, сощуренными глазами.

– Согласен, Верочка. – Он всегда называл ее по имени. – Но я за границу не собираюсь. Это точно.

– И ладно. Что нам с тобой нашей страны, что ли, мало? Она у нас во-он какая! Огромная! Здесь у нас перспектива на перспективе, так ведь, Дэн?

Он кивал, соглашаясь.

После подобных рассуждений, если он не принимался спорить, тетка обычно скрывалась в ванной. Почти час она там находилась. Долго лилась вода, что-то гремело, гудело. Выходила укутанной в толстый банный халат с полотенцем на голове. Быстро ужинала тем, что он приготовил. И уходила к себе отдыхать.

И Денис, запираясь в своей комнате, садился за компьютер.

Он не играл в игры, в которые резались его сверстники. Он играл в покер. Делал ставки, выигрывал, проигрывал. Иногда выходило так, что он спускал все, что у него было. И ему было не жалко. Он играл не из-за денег. Ему нравилось – очень, очень – ощущать себя частью взрослой загадочной жизни. Он был на равных с серьезными парнями. Они не знали, кто он. Он не знал, кто они. Правильнее, мало кого знал.

Несколько раз ему удавалось обыграть очень авторитетных товарищей – Денис все же напряг одного талантливой айтишника, чтобы узнать, кто скрывался под вымышленными именами. Выигрыши были солидными, Дэн этому даже не был рад. И постарался впоследствии все спустить там же – в игре.

Именно так он сделал пару дней назад, проиграв три тысячи условных единиц. Если бы тетка узнала, она бы его убила. Но у него не было другого выхода. Тот, против кого он играл, был очень влиятельным. Он бы не простил Дэну. Особенно если бы узнал, что его обошел мальчишка.

Сегодня игроки собрались так себе. Дэн очень быстро обошел почти каждого, через час, прилично выиграв, потерял интерес к игре и слился. Выключил компьютер, настольную лампу, подошел к окну и нашел взглядом светящуюся неоновую точку.

Ювелирный магазин. Небольшой. Около ста квадратных метров. Один из филиалов крупной сети под названием «Бриллиантовая штучка». Он не заходил туда ни разу, но знал именно об этой точке все.

Он внимательно изучил всю рекламную информацию. С помощью все того же талантливого айтишника тайно проник на сайт строительной компании, которая занималась строительством этого магазина. Потом начал изучать охранные системы.

Спустя месяц Дэн знал об этом месте все. Правильнее, он знал, как можно это место ограбить, не засветившись.

Нужны ли были ему драгоценности, заманчиво сверкавшие под стеклянными витринами?

Скорее нет, чем да. Он не знал, что он с ними станет делать, если украдет. У него не было ни одного знакомого скупщика краденого. И у его знакомых, насколько он знал, тоже не было таких знакомых. Тогда зачем они ему были нужны?

Дэн со вздохом задвинул тяжелую портьеру и отошел от окна.

У него не было ответа на этот вопрос. Зато было дикое желание сделать это. Оно не давало ему нормально спать и с аппетитом есть, оно делало его рассеянным и нерасторопным.

– Хочется рискнуть? – поинтересовался тот самый, постоянно помогавший ему айтишник, которого он осторожно посвятил в свои планы.

– Не знаю.

– Риск ради риска. Так?

– Возможно.

– Или этот дядя так тебя чем-то зацепил, что тебе хочется утереть ему нос?

От ответа Дэн ушел. И из квартиры айтишника ушел тоже. Потому что тот попал в самую точку, рассуждая о том, о чем, казалось бы, не имел ни малейшего представления.

Хозяин сети ювелирных магазинов «Бриллиантовая штучка» был одним из серьезных игроков в покер, у которого Дэн неоднократно выигрывал, а потом, нарочно проигрывая, возвращал ему же деньги.

В какой-то момент Дэну надоело это топтание на месте и захотелось дядю по-настоящему нагреть. Просто так, азарта ради, не наживы для. К тому же он не сумеет вычислить вора, если у Дэна получится сделать все правильно. Это не компьютерная игра, где шифруйся не шифруйся, все равно вычислят. Здесь все по-другому, здесь тайное не станет явным, если он сработает правильно.

И у него получится, он был в этом уверен...

Воскресное утро началось с ворчания Верочки. Она долго ругалась с кем-то по телефону. Потом гремела в своей спальне ящиками комода. Вышла одетой в спортивный костюм.

– Я на пробежку, – оповестила она Дениса и ушла.

Бегала Верочка редко. Бегала всегда в одном направлении – до соседнего микрорайона. Там проживал некто Юрик Греков. С ним Верочка уже давно состояла в странной связи, которую трудно было назвать любовной. Их связывало прошлое, о котором они никогда не говорили в присутствии третьих лиц. Дела бизнеса, где Юрику отводилась роль крышевателя. Еще Греков часто возил куда-то Верочку. Иногда они отсутствовали неделю, а то и больше. Приезжали повеселевшими и даже помолодевшими. Они могли не видеться неделями. Созванивались или нет, Денис не знал. Могли не отходить друг от друга. И даже умильно сюсюкать, когда думали, что их никто не видит.

Однажды он осмелился и задал Верочке вопрос:

– А почему вам не жить вместе?

– Зачем? – вскинула она модную широкую бровь.

– Ну... Вы как бы пара.

– Мы?! – Она изумленно захлопала наращенными ресницами. – Дэн, мальчик мой, да мы никогда не были с Юриком парой. Никогда. Даже если бы и были, я не стала бы приводить в дом мужика. Твоя мать не осмелилась привести тебе отчима. Я – тем более...

Вообще-то он думал о том, чтобы Верочка ушла к Юрику. Он давно уже мог жить один. Он сам убирал, стирал и гладил. Готовил тоже сам. И себе, и Верочке. Она пыталась кормить его полуфабрикатами, которыми торговали в ее павильоне, он наотрез отказался.

Жить один он мог, не пропал бы. И если бы Верочка, выйдя замуж, не сократила его денежное пособие, он был бы почти счастлив.

Но замуж она не собиралась. Зато вдруг собралась на пробежку. Да еще в таком скверном настроении. Такого Денис не помнил.

– Вера, что-то случилось? – догнал он ее в прихожей, когда она уже обулась в легкие беговые кроссовки.

– С чего ты взял?

Она, выпрямившись, вытирала вспотевшее покрасневшее лицо носовым платком.

– Злая ты.

– Не злая, а серьезная, – фыркнула тетка, оглядела себя в зеркале, проворчала: – Как чучело.

– Да ладно тебе, Верунь, ты у меня еще ого-го, – приврал Дэн.

– Ого-ого... – Она надула щеки, выпустила с шумом воздух, потаращила глаза, похлопала ладошками под подбородком. – Этой, ого-ого, отдыхать надо, а не пахать, как иго-го! А этот опять меня с собой тащит.

Этот? Юрик Греков? Они снова уедут?

Денис насторожился. Глубоко сокрытый нерв, сильно беспокоивший его в последнее время, снова задергался и занял. Он все спланировал, давно спланировал, но ждал удобного момента. Когда останется один, без Верочки. От нее же невозможно было скрыться. Она видела его даже сквозь стены.

Неужели сегодня ему повезет?

– Вы уезжаете? – спросил он, стараясь говорить спокойно, чтобы не выдать себя.

– Не знаю. Пока не знаю. Потому и бегу. Что ему вдруг приспичило?!

Верочка шагнула за порог, легонько хлопнув дверью. И через несколько минут с балкона Денис уже наблюдал ее легкую трусцу. Она дважды пробежала по периметру двора и скрылась за углом. А он пошел на кухню завтракать.

Сегодня на завтрак были оладьи из кабачков с луком. Он не раз пробовал их приготовить, но не выходило.

Сегодняшнее утро стало исключением. Даже удалось позавтракать с аппетитом.

Он вымыл посуду, протер стол. Взял мобильник, о котором Вера не знала, и набрал нужный номер.

- Чего так рано? – возмутился абонент. – Еще и одиннадцати нет! Что-то срочное?
- Думаю, да. – Голос немного вибрировал от азарта, справляться удавалось с трудом. – Думаю, это будет сегодня.
- О как! А почему сегодня?
- Она должна уехать. И я буду свободен.
- Главное, чтобы ты оставался свободен после всего, что сделаешь, – резонно заметил товарищ с громким зевком. – Ладно, я понял. Буду готов. Никаких дополнительных инструкций?
- Нет. Все, как договаривались...

Верочка укатила в семь вечера. Выглядела насупленной, все время косилась в его сторону. Вместо дорожной сумки выкатила из комнаты приличных размеров чемодан на колесах.

- Ого! На месяц, что ли, собралась? – удивился Денис совершенно искренне.
- Не знаю, – отозвалась она.
- И тяжело опустилась на широкий диван в гостиной. Похлопала ладонью рядом с собой.
- Присядь, Дэн.
- Он сел так тесно с ней рядом, что слышал громкий стук ее сердца и странное дыхание, как будто Верочка сдерживала слезы.
- Денис покосился. Она сидела с закрытыми глазами и низко опущенной головой.
- Вера! – толкнул он ее локтем. – Все в порядке? Какая-то ты...
- Какая? – спросила она, не поднимая головы.
- Непривычная. Встревоженная, что ли.
- Нормально все, Дэн. – Она дотянулась до его руки, лежащей на колене, сжала. – Нормально все. За тебя просто тревожно что-то. Сердце как-то ноет. Будь умником, ладно?
- Буду, – буркнул он.
- Девочек в дом не води.
- Не буду.
- Денег я тебе оставила достаточно. Знаешь, где лежат.
- Знаю.

Денис подавил улыбку. Тетка ненавидела банковские карты. Предпочитала наличные. И прятала их по разным местам в квартире. По самым неожиданным местам. Вплоть до мыльницы в ванной на полке под потолком.

- Там, куда мы едем, связи нет, Греков сказал. Так что... Все, я поехала.
- Она резко поднялась и покатила чемодан в прихожую. Денис топал следом.
- Давай помогу с чемоданом, – спохватился он, когда Верочка споткнулась с ним на пороге.
- Не надо. Сама. Остаешься на хозяйстве. Да, и это... – Она вскинула наконец глаза и глянула на него совершенно непривычно: тревожно, нежно. – Я люблю тебя, Дэн. Как сына.
- Я тоже.

Он осторожно сглотнул. Комка в горле не было. Прежде душило. Стоило тетке начать его и себя жалеть, он готов был расплакаться.

- Я тоже люблю тебя, Верочка.
- Она встала к нему спиной, не спеша закрыть дверь. А он впервые желал, чтобы дверь поскорее закрылась.
- Какой-то ты, Дэн, не такой. – Она неожиданно обернулась и сощурила глаза. – Задумал что-то?
- Не-ет, с чего ты взяла?!
- Возмутиться не получилось, на щеки поползла краснота, он это чувствовал.

– Ой, смотри! Ой, не влипни, пока меня нет! – Она погрозила ему кулаком. – Покер – это, конечно, пока рановато, но это и не так страшно.

Денис чуть не выругался.

Как?! Как она узнала?! В комп залезть не могла. У него пароль. Камер в комнате нет, он проверял. Кто слил?! Если Гришка раскололся, он ему все его кудри вместе со скальпом снимет.

– Но, если что серьезное мутишь, оставь эту затею. Слышишь! Это уже срок, мальчик мой. А я не для того тебя растила и всю душу вкладывала, чтобы ты макароны на нарах жрал. Все, я уехала.

Она ушла, не дав ему раскрыть рта. Потому что знала, что примется врать. А его вранья она не терпела.

Минуту или две он стоял, прислушиваясь к шуму лифта в подъезде и своему дыханию. Оно участилось, оно подгоняло.

Он еще раз проверил – заперт ли замок. Подошел к зеркалу в прихожей. Удивился расширенным зрачкам. И нервно улыбнулся своему отражению, неуверенно пробормотав:

– У тебя все получится, Дэн.

Глава 3

Он никогда не болел. Не простывал в принципе. Не знал, как может болеть горло или слезиться глаза. Он все свои тридцать пять лет был здоров. И с радостью согласился на участие в спартакиаде, которую устраивал в воскресенье спортивный комитет их микрорайона. Всегда наблюдал только со стороны, а тут согласился. И в пятницу вечером слег с жесточайшей простудой.

– Твою же мать! – простонал Егор, вытаскивая градусник и поднося его к свету. – Только не это!

Градусник безжалостно показывал все те же тридцать восемь и семь. Не помог остро пахнувший порошок, который он тщательно растворил в горячей воде и затем выпил. Не помог мед, которого он перед сном съел граммов двести.

Егор откинулся на подушку, глубоко вздохнул, покосился на телефон на тумбочке.

Позвонить Еве или нет? Позвонить или нет?

Она была мастером по восстановлению в кратчайшие сроки. Что-то раздавит в ложке, водички капнет, выпьет, поморщится. И через пару часов как новая. Может, и его на ноги поставила бы? И он бы не подвел команду. И принял участие в эстафете. Пусть бы и не выиграл, но не подвел.

А вот Еву он подвел. Не встал на ее защиту. Поступил приказ сверху, вести себя тихо, и он...

Нет, какое-то время он еще делал вид, что плевать он хотел на все приказы, они не имеют к нему никакого отношения, потому что Ева ему не безразлична как женщина. Но после того как она его обругала и не пустила на порог своей квартиры, он сдался.

– Зачем тебе, Егорка, эта опальная женщина? – недоуменно тарасила глазенки его младшая сестра Алла. – Поняла бы, была бы у вас любовь. А так... Она же не любит тебя. Она тебя выгнала. А ты за нее на костер! Очнись! Такое самопожертвование сейчас не в тренде.

Алла много еще чего говорила, убеждала, уговаривала. И он как-то понемногу успокоился. Но предателем себя все равно чувствовал. До сих пор. И разве имел он теперь право звонить Еве и просить ее о помощи? Нет.

Хотя...

С другой стороны, это был бы шикарный предлог затащить ее в гости. Он болен, он слаб. Она бы не смогла его не выслушать. И тогда он бы покался. И, может быть, даже встал перед ней на колени.

С этими мыслями он и уснул.

Проснувшись, обнаружил у себя все те же тридцать восемь и семь. К температуре добавились сопли, слезившиеся глаза и сухой кашель.

Еле дотащившись до ванной и взглянув на себя в зеркало над раковиной, он ужаснулся. Таким уродливым он себе еще ни разу не казался.

Еве звонить передумал. Любоваться тут было нечем. И голос отвратительный – гнусавый, чужой.

По-стариковски шаркая подошвами тапок, он пошел в кухню. Поставил чайник на плиту, полез в холодильник. Кроме пакета кефира и пяти яиц ничего не было. Он по субботам обычно делал вылазки в магазин и закупался на неделю. Сегодня была суббота. А он заболел. Буквально слег!

Егору сделалось себя так жалко, что он сморщился. Больной, голодный, никому не нужный. Можно было бы, конечно, позвонить Аллочке, но от нее суеты больше, чем пользы.

Ева! Только Ева могла его спасти. Но ее он звать на помощь точно не станет.

Егор доедал отвратительную по вкусу яичницу, хрустевшую скорлупой, когда в дверь позвонили.

Кого принесло, он не имел понятия. Это могла быть сестра, которой срочно понадобились деньги или его машина. Это могли быть представители из спортивного комитета их района, которые до него не дозвонились, потому что он спал, как убитый. Это могли быть...

Это была Ева!

Градус его тела, кажется, тут же подскочил еще выше, стоило ему открыть дверь и увидеть ее. Виски сдавило так, что он на мгновение ослеп. И видел ее только по памяти: высокую, худую, невероятно красивую, загорелую.

Может, у него галлюцинации? Может, он уже сходит с ума от своей страшной простуды? Ева не могла приехать. Она его прогнала. И сказала, что не любит, что не хочет и что исправить уже ничего нельзя. В ней к нему уже ничего никогда не поменяется.

Зрение вернулось. Ева стояла перед ним и рассматривала его безо всякого выражения, так она смотрела на всех, всегда. Она стала еще красивее. Ей очень шел загар. В узких светлых джинсах и широком свитере черного цвета с высоким горлом, обнимающим ее длинную стройную шею. Стрижка все та же: под мальчика.

– Здорово, Минаков, – первой произнесла она, потому что он стоял и как дурак молчал. – Пустишь?

– Привет, Звонарева, – проскрипел он, отступая в сторону. – Пушу.

Она хмыкнула на звук его скрипучего голоса. Вошла. Швырнула сумочку на пол под вешалкой. Оставила у порога кроссовки, по-особенному выйдя из них.

Егор всегда поражался тому, как она разувается. Она не снимала обувь, не сбрасывала, она выходила из нее – грациозно, плавно, как в танце.

– Болееешь? – спросила она, сразу проходя босой в кухню.

Оглядела его тарелку с остатками отвратительной яичницы, которая подгорела и сверкала чешуйками скорлупок.

– Жрешь всякую гадость. Что так? Поухаживать некому?

Она обернулась на него, оглядела с головы до ног. Хмыкнула со словами:

– Небось еще себя и жалеешь.

– Ничего я не жалею, – проворчал Егор, сел на свое место перед тарелкой с остывшим завтраком. – Чай будешь?

– Нет.

– А кофе?

– И кофе не буду, Минаков. Потому что кофе у тебя дрянной. Ты же знаешь.

Ее зеленые глазищи, всегда сводившие его с ума, уставились на него, странно блеснули.

Ева отвернулась к окну, за которым бесился рыжий сентябрь. Постучала пальцами по подоконнику. И тут же потеряла пальцы друг о друга, подоконник был пыльным.

И произнесла, не обернувшись:

– Вообще-то я к тебе по делу, Минаков.

Мог бы поострить, ляпнуть какую-нибудь ерунду, типа: надеялся, что она соскучилась. Но он не рискнул.

– Слушаю тебя, – скрипнул он простуженным голосом, подавив желание шутить и быть остроумным.

– Мне нужна твоя помощь.

И снова захотелось затянуть: «Да ладно! Чего вдруг понадобился?»

А еще три месяца назад...

Вернее, два месяца и двадцать один день назад ни помощь не нужна была, ни он сам. И велено было близко не подходить. И не звонить. И не писать противных глупых сообщений.

Не затянул. Просто сказал:

– Всегда готов.

– Вот и славно, – выдохнула Ева с облегчением.

Повернулась к нему с полуулыбкой, оглядела стол.

– Тогда стану тебе, что ли, родной матерью. Сгоняю в магазин и в аптеку. Накормлю и вылечу.

И она вышла прочь с кухни. Так же грациозно влезла в обувь, подняла с пола сумочку, взялась за дверную ручку. И он не выдержал:

– А если бы отказался помочь тебе, не стала бы меня кормить и лечить?

– Не-а, – ответила Ева, мотнув головой.

– Даже такого хворого, беспомощного?

– Не-а, – повторила она.

Прошлась взглядом по его вытянутым на коленках спортивным штанам, по потной застиранной футболке и сердито пробубнила:

– Я бы тебя тогда просто добила. Пока ты беспомощный.

И она ушла. На целый час. Он уже даже стал подумывать, что она снова вернулась в свою новую жизнь, куда ему не было хода. В которой они не виделись, не созванивались и не переписывались. В которой его душу выжимало так, что выть хотелось.

Ева вернулась. В каждой руке по два туго набитых пакета с едой, с лекарствами. Она тут же принялась их смешивать с водой, что-то капала ему в нос, втирала в затылок и виски. Он чихал, морщился от горького вкуса, жмурился от растирки, которая лезла в глаза. Но уже через час чувствовал себя много бодрее. А может, это случилось от того, что Ева снова была по его кухне, готовила еду и все что-то говорила и говорила. Про увольнение, про статьи в журналах и газетах, про странные слова, которых никто не мог слышать.

– Понимаешь, этого никто не мог знать. Никто, кроме меня и еще одного человека, – повторила она в десятый раз, разливая суп-пюре по глубоким тарелкам.

Тут же поставила перед ним ту, где было в три раза больше. Приказала:

– Ешь!

Он послушно взялся за ложку.

– Это были особенные слова, Егор. Мы так общались с одним человеком в моей прошлой жизни. Там, где из меня воспитали то, что получилось. – Ева странно пила суп-пюре через край тарелки. – Общались, чтобы нас никто не понял. Это было нам нужно.

– Зачем?

– Для особых моментов.

– Для каких моментов?

Он ел неаппетитно выглядевший суп и находил, что никогда не ел ничего вкуснее.

– Для всяких... – Она поставила пустую тарелку на стол, отодвинула чистую ложку, она ею так и не воспользовалась. – Когда надо было ночью сбежать куда-нибудь. Когда еды надо было добыть. А для этого надо было усыпить старшего, он отвечал за кухню и продовольственные запасы. И тогда мы с моим братом выходили на дело.

– На дело? На какое дело? Зачем?

– Чтобы просто пожрать! – Она резко вскочила с места, наклонилась над ним, сузила глаза. Дышала тяжело, с присвистом. – Ты хоть можешь себе представить, столичный мальчик, как бывает страшно, когда дико хочется есть, а тебе не дают?! А тебе всего шесть лет! И ты не понимаешь, почему тебе не дают хлеба. Просто не принимает детский ум, зачем нужно кого-то бить, чтобы получить стакан чая с сахаром.

– Ты... – Он поперхнулся, откинулся на спинку стула, уставился на нее диким взглядом, под лопатками заныло. – Ты голодала?!

– Да, – ответила Ева коротко и вернулась на место.

Сцепила пальцы в замок и постучала ими по столу.

– Мне нужно найти того, кто написал эти статьи, Егор.

– Ну... Если это так важно, я постараюсь что-то сделать.

– Не что-то, а ты найдешь его! Найдешь! – выкрикнула Ева, зажмуриваясь.

Он смотрел на нее и будто видел впервые. Ее безупречная выдержка и хладнокровие затрещали по швам, выворачивая наизнанку что-то нежное, уязвимое, пульсирующее острой болью. Ему даже стало казаться, что он видит капли крови, которыми сочится ее душа. Его захлестнула такая жалость, что он тут же совершил ошибку. Он произнес:

– Бедная... Бедная моя! Как же тебе...

Договорить не вышло.

– Не надо меня жалеть, понял! – заорала Ева, поднимая на него прежний пустой взгляд, и еще раз с силой пристукнула сцепленными в замок пальцами по столу. – Жалеть меня не надо! Мне просто надо найти этого человека.

– С которым ты воровала еду?

– Который написал статьи обо мне.

– А разве это не один и тот же человек? Ты ведь сказала, что эти слова были известны только тебе и твоему брату. И если в статьях упоминались именно эти слова, то это значит...

– Это ничего не значит, Минаков. – Ева холодно улыбнулась. – Моего так называемого брата давно нет в живых.

– Нет в живых?

– Что ты, как попугай! – снова взорвалась она, вскакивая. – Повторяешь за мной по слову! Нет в живых. Нет! Он умер, погиб.

– Погиб? – повторил он.

И тут же прикусил язык, потому что Ева в беспомощной ярости закатила глаза и принялась беззвучно ругаться.

– А как он погиб? – зачем-то спросил он.

Может, за тем, чтобы не повторять за ней поугаем ее же фразы. Может, чтобы отвлечь ее. Ему совершенно точно не была интересна судьба давно погибшего мальчишки. Во всяком случае, до тех пор, пока Ева ему не соврала.

Она точно соврала! Он не мог ошибаться. Он знал ее достаточно хорошо, и еще лучше чувствовал. Как бы она ни пыталась отгородиться от внешнего мира, всегда оставаясь вежливой и безучастной, каким бы пугающе пустым ни был ее взгляд, Егор всегда ее чувствовал. И совершенно точно понял, что она соврала, когда ответила:

– Тимур погиб в результате несчастного случая.

Глава 4

– Даниил Игоревич, надо что-то срочно предпринять, иначе к концу четвертого квартала мы окажемся в минусе!

Левая щека его главного бухгалтера нервно дергалась. Лицо женщины и без того было непривлекательным, и даже страшным, а тут еще этот ее нервный тик.

Хотелось закрыть глаза и гнать ее прочь. Чтобы не видеть дурацких кривляний ее некрасивой рожи. Чтобы не морщиться от отвращения. Чтобы не запивать его потом непозволительно ранней порцией скотча.

И зачем он ее терпит? Уже двадцать лет терпит. Специалист хороший? Так их много сейчас. Потому что не ворует? Тут тоже вопрос спорный. Он сам проверить не мог. Поскольку был совершенно безграмотен в бухгалтерских вопросах. Конечно, нанимал аудиторов, те подтверждали порядок во всех отчетностях. Но сам он ни черта в этом деле не смыслил. А с аудиторами она могла и договориться.

Он пытался. Много раз пытался освоить эту науку. Приходили преподаватели, читали ему на дому лекции, устраивали зачеты. Кого-то он выгонял, кто-то ухитрялся дочитать ему курс лекций до конца. Те, кто молча терпел его похрапывания во время занятий.

Ну, не давалась ему бухгалтерия с экономикой, хоть убей. Да, да, он не был конченным дебилом и знал, конечно, что, если в одном месте прибыло, в другом непременно убудет.

Он умел считать деньги. У него получалось их удачно вкладывать. И прибыль подсчитывать он тоже умел. И даже дружил с двойной бухгалтерией. Не сам. Помогали. Но вот всякие там счета, субсчета и банковские проводки он не понимал и даже ненавидел.

Как ненавидел сейчас своего главного бухгалтера Марину Степановну Гровец. Мало того что она была старой, страшной, так еще и явилась к нему с раннего утра с гадкими новостями.

Они, видите ли, могут оказаться банкротами! С какой это стати?! Отчеты прошлого месяца были великолепными, что могло случиться за две недели?

Не иначе старая дрянь ворует! Пора от нее избавляться. Посадить в ее кресло опытного бухгалтера лет тридцати пяти, с достаточным опытом и позитивным настроем. Еще лучше, если она окажется с красивой мордашкой, длинными ногами и крохотной грудью. Большую грудь Даниил не терпел. И большие задницы у баб не терпел тоже. Всем этим в достатке обладала Марина Степановна Гровец, и за это была ему ненавистна особенно.

Надо будет дать указание отделу по персоналу, пусть подыскивают кандидатуру. Хватит уже, насмотрелся на эту страшилищу.

– Ваши предложения, Марина Степановна, – буркнул он, лениво шевельнувшись в удобном кресле с высокой спинкой. – Я готов их выслушать.

– А...

Она заткнулась так внезапно, что ее рот остался открытым. Отвратительный тонкогубый рот с дергающимся левым углом.

Его чуть не стошнило, стоило представить, как из ее рта сейчас потечет тонкая струя слюны.

– Что – а?! – повысил он голос. – У вас нет предложений?!

– Пока... Пока нет. Я не готова.

Ее редкая шевелюра с торчащими в разные стороны нелепыми кудряшками задергалась, как от порыва ветра. Огромные сиськи, которые он ненавидел, заходили вверх-вниз. Она тяжело задышала. Видимо, так его главный бухгалтер пыталась справиться с замешательством – дышать, как загнанная лошадь, и ворочать громадной грудью.

Тьфу, мать ее...

Все! Хватит! Если он сейчас ее не уволит, он ее просто убьет. Прямо в своем кабинете. И его личному охраннику придется потом отмывать пятна крови с пола и мебели. Потому что убить ее ему хотелось изошренно.

– Ступайте, – скрипнул он зубами, зажмуриваясь.

– Что? – Ее здоровенный зад оторвался от стула сантиметров на пять и повис. – Вы что-то сказали, Даниил Игоревич?

– Ступайте к себе. Я вас вызову, – произнес он не своим голосом.

Свой беззвучно надрывался в мерзких матах глубоко внутри его. Он оскорблял, унижал, втапывал в грязь эту старую трясушуюся тетку.

– Я поняла.

Марина Степановна сползла со стула и затрусила к выходу. Вышла и плотно закрыла за собой обе двери. И не слышала, как в одну из них тут же полетел калькулятор и новенький смартфон. Как оба предмета разлетелись с хрустом на мелкие части и как вторил этим звукам утробный рык хозяина.

Она этого ничего не слышала. Она вышла из приемной, спустилась этажом ниже и заперлась у себя в кабинете. Телефон, о котором никто из ее коллег не знал, она достала со дна своей огромной кожаной сумки. Тут же набрала номер и негромко пожаловалась:

– Он ничего не хочет слышать, сынок.

– В смысле? – ответил ей сын.

– Я докладываю ему о проблемах на фирме, а он дремлет. Он не понимает, что все скоро рухнет. Что, если ничего не предпринять, мы можем оказаться банкротами.

– И пусть. Тебе что за дела? – удивленно отозвался ее мальчик.

– Но как же...

Она растерянно осмотрела просторный кабинет с сейфом вполстены, огромной зеленой пальмой и уютным бархатным диванчиком, на котором она нет-нет да и уснет в обеденный перерыв.

– Все здесь моими силами создавалось и...

– Ма, это не твой бизнес. Не твой, поняла?

– Да, но...

– Нет, и не может быть никаких «но»! – повысил голос ее сын. – Уходи оттуда, пока не поздно. Пока к вам Следственный комитет не нагрянул.

– Минуточку! – Ее голос тоже окреп и повысился сразу на две октавы. – У нас все честно и прозрачно! Фирма работает честно!

– Это ты, мать, работаешь честно, – хмыкнул сын. – А что там творится на самом деле, ты не знаешь и знать не можешь. Уходи! Уходи прямо сейчас! Я все сказал...

Марина Степановна с силой вдавила кнопку на телефоне, о котором никто в коллективе не знал. Ее взгляд еще раз поплыл по кабинету, который она считала своим вторым домом.

Сейф вполстены, где она хранила даже те документы, которые давно следовало сдать в архив. Пальма, которую ей подарили полтора десятка лет назад по случаю женского праздника и которая переселялась вместе с ней из кабинета в кабинет. Росла в должности Марина Степановна, росла в кадке пальма. Уже больше пятнадцати лет они вместе.

Как можно? Как можно взять и все бросить? Это же неправильно. И ее сын, занимающий пост в силовых структурах, не имеет права подозревать ее хозяина в чем-то неправомерном. У них все прозрачно. Все честно. А ее мальчику только дай волю, он всех под статью подведет. Так говорит ее брат Станислав, с которым у ее сына почему-то не сложились отношения.

– Был бы человек, а статью ему подыщут, Мариночка, – добавлял он и улыбался. – Работай пока. Деньги хорошие платят.

Пока платили. Но ситуация неожиданно ухудшилась. Упали продажи. Упали очень резко и настолько, что следующий квартал может стать убыточным. И тогда неизвестно, как ей при-

дется крутиться, чтобы выкроить средства на выплату зарплат сотрудникам. Почему, непонятно, но она считала себя ответственной перед ними. Не Даниил Игоревич, а она несла личную ответственность за благополучие их семей. И ей просто необходимо было что-то придумать. Не потому, что он велел, а потому что так нужно. И для начала она проверит всю отчетность предыдущих месяцев. С самого начала года...

Даниил Игоревич исподлобья глянул в сторону приоткрывшейся двери.

На пороге застыл его личный телохранитель Паша Камодов – ударение на первом слоге. Паша все время на этом настаивал, но никто, разумеется, таких тонкостей не соблюдал. И с годами Паша стал просто Комодом с традиционным ударением на втором слоге. Но только для своих! Попробовал бы кто со стороны назвать его так.

– Ты чего? – уставился на него с неудовольствием Даниил.

Он только-только открыл сайт знакомств, где уже пару недель переписывался с симпатичной студенточкой. И тут Паша. Он его не звал!

– Даниил Игоревич, есть новости.

Взгляд в пол, значит, какое-то дерьмо собрался сообщить.

– Ну! – Даниил с треском захлопнул ноутбук. – Что еще?

– Всплыла кое-какая информация о Марине.

– О Марине?! – Он вытаращился на Пашу. – О какой? О нашей, что ли, Марине? О главном бухгалтере?

Паша молча кивнул. Он редко бывал многословен. Не любил и не умел красиво говорить. Людей наказывать красиво у него получалось. Физически. Если Паша принимался за дело, Даниил глаз не мог оторвать. Не наказание – песня!

– Что не так с ней?

Даниил прищурил глаза. Мысли, как тараканы после травли, принялись метаться в голове.

Не просто так у этой сволочи морда тряслась. Не просто. Что-то затеяла за его спиной жирная корова. Проблемы, говорит, грядут. Большие проблемы. В минусе, говорит, можем оказаться. Тварь! Тварь из бездны! Уволить! Уволить к чертям собачьим!

– Ворует? Конкурентам сдает? Копают под нас? – забросал он тут же Пашу вопросами.

– Не, – сделал Паша большие глаза. – Вроде ничего из этого. Типа, ничё такого не замечено.

– Тыфу ты! Комод, ты можешь внятно объяснить, нет?!

– Сынок-то у нее, оказывается, следак. Да такой, сволочь, неподкупный. Правильный! – произнес последнее слово Паша как ругательство. – И я тут подумал, что, если она что пронюхает, сольет ему, сто пудов. И нам тогда...

Пашина ладонь прошлась по его горлу. Взгляд сделался тоскливым.

– Следа-а-ак?! – выговорил на выдохе Даниил и замер с застывшим взглядом.

Молчал, сидя так – глаза в одну точку – минут пять. Потом встрепенулся. Поднял на Пашу гадкий взгляд.

– А как так, Паша? Как могло так получиться, что у моего главного бухгалтера сыночек следователь? У нее есть, а я об этом ничего не знаю?

– И я не знал. Родство не афишируется. Фамилии у них разные. Она после развода взяла свою девичью фамилию. Живут давно врозь. Он взрослый.

– Как вышли на информацию?

– Звонить она часто стала из кабинета по телефону, который прячет ото всех. Устроили обыск в ее отсутствие. Нашли в сумке телефон. Пробыли по номеру. Дальше – больше.

– Понял, – отмахнулся от него Даниил и снова надолго умолк.

Думал! Он катал в голове одну мысль, он пробовал ее на вкус, проглатывал, морщился, будто наелся кислого. Потом в помощь пошла бумага, на которой он принялся что-то энер-

гично чертить, писать и зачеркивать. Бумагу затем скомкал и поджег в большой медной пепельнице.

– В общем, так, Комод... – оборвал он тишину, нарушаемую лишь сдавленным Пашиным дыханием и скрипом карандашного грифеля по бумаге. – Действуем уже на этой неделе.

– Но!

Паша нервно сглотнул и взглянул на хозяина с обидой. Операция была сырой, неподготовленной, неужели не понятно? Могут случиться проколы. И...

– Я сказал – на этой неделе! А завтра мы ее уволим.

– Марину?

– Да. И еще половину сотрудников потом под шумок. Изобразим страшное потрясение. Финансовую депрессию. А? Как тебе?

Паша счел за благо промолчать. Он пока ничего не понимал.

– Короче, повыгоняем всех к чертовой матери. Оставим самых верных. С ними потом расплатимся, как надо. Балласт – за ворота.

– Я не понял, вы бизнес сворачиваете, что ли? – Паша сунул руки в задние карманы темных джинсов. Улыбнулся. – Это хорошо.

Ему давно не нравилось то, чем занимался его хозяин. Неприбыльно как-то, хлопотно. Много не понятно. Обучаться Паша, как и его хозяин, не хотел. Серые схемы – это да, это его. А работа по-честному – утомительна и бесперспективна.

Последнее слово он выучил не так давно, оно ему очень понравилось, он долго пробовал его выговаривать без запинок. Сейчас выходило, просто от зубов отскакивало.

– Бизнес сворачиваю, Паша. И уеду куда-нибудь. Вернее, улечу.

– Надолго? – заворочал Комод шеей.

Его взгляд уперся в пол. Дыхание сбилось.

– Не бойсь, ты со мной, – хмыкнул Даниил Сергеев, разгадав его страхи. – Куда же я без тебя!

Паша засопел, подавил слова благодарности. Не умел он их говорить. Всегда выходило нескладно, неубедительно. Лучше молчать, чем вякать коряво.

– В общем, Паша, ты понял – запускай машину. На этой неделе все делаем. Завтра всех увольняем к чертовой матери. А через пару месяцев нас с тобой уже тут не будет. Дом я давно выставил на продажу. И квартиры все тоже. Деньги вывел. Действуем...

Глава 5

Ко вторнику ему стало много лучше. Боль в горле прошла, кашель исчез. О недавней простуде напоминал лишь заложенный нос и гнусавый голос. Ева постаралась – вылечила. Скармливала ему лекарства, которые принесла, все выходные. Ставила банки, хотя он и ежился, и стонал, и пытался отказаться.

– Поверь мне, Минаков, это лучшее, что придумало человечество от простуды. Помню, в детстве я постоянно, как божья коровка, ходила.

– А что, лекарств не было?

Вопрос был из запретных. Он брякнул и понял, что зря. Поздно понял.

Ева сразу закрылась, молчала долго, передвигаясь тенью по его квартире. И вдруг обронула тихо:

– Не было, Егорка, ни лекарств, ни хлеба. Для нас не было. Для приемных детей.

И снова тишина. И он больше не осмелился расспрашивать Еву о ее детстве. Решил, что сам отыщет информацию. Выйдет на работу в понедельник и все найдет. И человека, который напомнил ей о жутких годах, проведенных в приемной семье, найдет непременно. Из-под земли достанет, если это для нее так важно.

Она спала в соседней комнате так тихо, что в какой-то момент он засомневался, а там она, не ушла?

На цыпочках подкрадывался к запертой двери в гостиную, прислушивался. Не угадывал ее присутствия. Крался в прихожую. И с облегчением выдыхал: ее сумочка по-прежнему валялась на полу под вешалкой. А кроссовки с затянутыми шнурками стояли у порога нос к носу.

В воскресенье Ева за него бежала эстафету и, конечно же, пришла первой. Участники другой команды ворчали, косились на нее и пытались опротестовать результат. Не вышло. Нигде не было прописано, что участник соревнования не может взять самоотвод и выставить за себя кого-то. Даже в самый последний момент перед забегом.

Ева победила. Ева снова победила. Как победила несколько месяцев назад, когда влиятельный папаша одного мерзавца пытался посадить ее за решетку за превышение должностных полномочий. Как тот ни бился, как ни надрывался в праведном гневе, состава преступления в ее действиях не обнаружила ни одна комиссия. Но ее все равно уволили. А зря. Лучшего опера Егор ни разу не встретил за свои десять лет службы.

Семь из десяти преступлений Еве удавалось раскрывать по горячим следам. Был у нее какой-то природный, почти звериный нюх, который она скромно называла интуицией. Но интуицией и Егор не был обделен, а у него так не выходило. Он не мог с ходу, выйдя из подъезда, где было совершено преступление, сразу повернуть налево, потом еще трижды свернуть, дойти до мусорных ящиков или неприметной урны и найти там орудие убийства.

А Ева могла. Могла за полчаса обойти территорию в сотни квадратных метров и найти улику или свидетеля, что-то видевшего, что-то слышавшего. Это чутье. Дар. Инстинкт. Называть можно по-разному.

Зря они ее уволили.

– Минаков, ты чего застыл?

На стол Егора плавно опустился бумажный самолетик. Коллега по отделу – Серега Устинов, занявший стол Евы после ее увольнения и уже за одно это ставший ему ненавистным, смотрел на Егора с кривой ухмылкой.

– Ты чего хотел? – Егор смахнул в урну бумажный самолетик, буркнул: – Делать тебе нечего, бумагу портишь.

– А я хотел познакомиться с твоей сестренкой. Забыл? – Устинов вытащил из лотка еще один лист бумаги и сосредоточился на сворачивании самолетных крыльев. – А ты все тянешь и тянешь. А обещал.

– Начнем с того, что я тебе ничего не обещал.

– Но не отказал же.

– Это не одно и то же.

Егор пристально посмотрел на Устинова.

Что могла сказать о нем его младшая сестренка Аллочка? Что Устинов неудачник? Что страдает избытком веса и отсутствием харизмы? Что одевается как лох?

Приблизительно...

Захочет ли Устинов все это выслушать? Алла, она ведь церемониться не станет, выскажет все в лицо.

– Она уже встречается с парнем, – соврал Егор, пожалев Устинова. – Без вариантов, Серега.

– Понял, – выдохнул тот и взял в руки бумажный самолетик. Полюбовался им и неожиданно положил на стол. – Слышал, ты снова встречаешься с Евой?

Егор чуть не выругался. Он как раз о ней думал в этот момент.

Устинов обладал странной способностью иногда угадывать его мысли. Его бы способности да на благие дела. А то как преступление раскрывать – тупит, как стажер. Без подсказки с места не сдвинется. А как в мыслях Егора копать, профессионал высшей категории.

– Слышал, она за тебя эстафету бежала в воскресенье. И победила, – не дождавшись ответа, продолжил Серега.

– Откуда информация? В газетах об этом не писали, – не отрывая взгляда от монитора, отозвался Егор.

– Твоя Ева обошла на последних метрах мою троюродную сестру, – пояснил Серега и со вздохом добавил: – Ей бы быть посдержанней, до сих пор работала бы. Она же хороша, как сыщик. Она же профи! Так что, вы снова вместе, Егор?

Надо было начинать с того, что вместе они с Евой никогда не были. Работали бок о бок, плечом к плечу, спина к спине – это да. Дальше – ни шагу. Он ни разу не осмелился ее поцеловать. Она ни разу не дала понять, что желает этого. Потом ее скандальное увольнение, его бунт, и полный разрыв даже дружеских отношений. О чем Серега вообще? Какое вместе?!

Он промолчал, принявшись излишне громко стучать по клавиатуре, забывая текст в поисковик. Он, между прочим, не просто так сидит уже час перед монитором. Он просьбу Евы выполняет. Заодно пытается узнать подробности о семье, которая когда-то забрала ее из детского дома.

Подробностей почти не было. Общая информация, чудом сохранившаяся за минувшие годы.

Да, была такая семья. Мама, папа, своих детей четверо, приемных восемь. Трудолюбивые люди, огромный дом, хозяйство. Родители были помешаны на том, чтобы привить детям, как своим, так и приемным, трудолюбие. Методы использовались разные, вплоть до физического наказания. Но никто об этом не знал до поры до времени. До тех самых пор, пока однажды в семье не случилась трагедия и один из приемных детей не погиб. От голода!

Имени и пола ребенка не называлось, но почему-то Егор сразу подумал о том мальчике, о котором говорила Ева. Странно, что она называла его гибель несчастным случаем. Может, маленькая еще была на тот момент, и ей не сказали всей правды?

Может быть...

Когда представители службы опеки пришли в дом, то ужаснулись не только спартанским условиям, в которых воспитывались приемные дети. Они пришли в ужас от спортивного зала, устроенного глубоко под землей, в просторном подвале. Спортивные сооружения никак не

напоминали традиционные, используемые в школах и спортивных секциях. Это были манекены с нанесенными на них болевыми точками, тир с портретами конкретных людей, вместо обычных мишеней. Но больше всего проверяющих ужаснула полоса препятствий. Пройти ее и не пораниться в кровь смог бы только хорошо подготовленный профессионал, но никак не ребенок.

Ева! Она через это все прошла?! Она била по манекенам, стреляла в лица на фотобумаге, ползла под настилом, утыканным гвоздями, и бежала над ручьем, наполненным нечистотами?!

Егора затошнило. Он закрыл документ, встал и пошел в коридор за кофе. Возле аппарата уже крутился Серега Устинов.

– Не успеешь, Егор. Не успеешь кофе попить, – чавкал Устинов шоколадной конфетой. – На выезд скомандовали.

– Что случилось?

Егор настырно подставил пластиковый стаканчик под струю капучино.

– Ограбление. Кажется, даже не одно. И поножовщина. Кажется, даже труп, – еле выговорил рот Устинова, забитый шоколадом.

– А без «кажется» можно?

Егор пил огненный капучино большими глотками, стараясь не смотреть на раздувающиеся щеки коллеги.

– Точной информации пока нет, Егорушка. – Он судорожно сглотнул, запил водой конфету. – Сегодня ночью ограбили сразу несколько ювелирных магазинов, принадлежащих одному хозяину. То ли конкуренты поработали, то ли совпадение.

Егор в подобные совпадения не верил, но промолчал. Пусть Устинов поумничает.

– Ограбили сразу три магазина, прикинь! Вынесли много украшений. В основном те, что были на витрине. – Устинов наконец справился с шоколадом, забившим ему горло, и говорил теперь вполне внятно. – Сейфы остались не вскрытыми. Но там, по информации, почти ничего не было. Документация, чеки, денег немного.

– Действовали одновременно?

– Что? Не понял?

Устинов растерянно моргнул, влез в карман и снова зашуршал конфетным фантиком.

– Грабители действовали одновременно? Или по очереди грабили ювелирные магазины одного хозяина?

Устинов молчал.

Егор закатил глаза. Допил кофе, швырнул пустой пластиковый стаканчик в урну и повернулся, чтобы уйти в дежурку.

– Слышь, Егор, а я не знаю. А это важно? Это что – принципиально?

Егор словно споткнулся. Резко встал, обернулся и взглянул на Серегу, как на больного.

– Вообще-то – да, важно!

– Поясни. – Устинов дернул покатыми плечами, сунул конфету в рот и интенсивно заработал челюстями. – В чем принципиальное различие?

– Если магазины грабили одновременно, то это три группы, которые, вступив в преступный сговор, нанесли одновременный удар по бизнесу некоего гражданина. А если магазины грабили с временным интервалом, то действовала, скорее всего, одна группа, мобильная, дерзкая. И даже наглая. – Он с жалостью смотрел в пустые непонимающие Серегины глаза. – Вообще-то это элементарно, Ватсон.

– Вообще-то я понял, – сразу обиделся тот. – Просто не знаю.

– Чего не знаешь? – Егор снова закатил глаза, делая два шага в сторону дежурной части.

– Пока не знаю по времени, что там и как. Просто сбор скомандовали. В общих чертах обрисовали ситуацию. Там даже с трупом пока не ясно.

– Что не ясно с трупом?

Егор стиснул зубы.

Ева, Ева! Вот зачем тебе приспичило отстреливать зад избалованному папенькиному сыночку и кому-то из его друзей. Которые вздумали расплатать на капоте своего автомобиля первую встречную девчонку, с которой они перед этим стянули трусы? Могла бы просто уложить их мордой в землю и...

А ему вот теперь мучайся с этим пожирателем шоколадных конфет, которому все надо разжевать, протолкнуть, дать запить.

– С трупом не ясно: есть он или нет. – Серега громко икнул и испуганно прикрыл рот ладонью. – Сорри!

– Воды попей. – Егор брезгливо сморщился. – И это... Хватит уже жрать шоколадные конфеты. Скоро в кресло не влезешь.

– В какое кресло? – не понял Устинов.

В кабинете у него стул стоял. Добротный, деревянный, удобный. При чем тут какое-то кресло? Любит Минаков говорить загадками. С Евой у них ловко получалось. Понимали друг друга по ухмылкам, по взглядам, по шевелению бровей. С ним так не прокатит. Ему конкретика нужна, а не ужимки какие-то.

– В какое кресло? – повторил он вопрос, насупившись.

– В автомобильное! – рявкнул Егор и ушел.

Через десять минут они уже выезжали на место происшествия.

Егор нарочно не стал брать свою машину, поехал на дежурной. Захотелось немного подумать в дороге, а если получится, то и подремать. Он сел сзади. Сложил руки на груди, опустил голову и прикрыл глаза, чтобы никто к нему не приставал. Серега Устинов очень уж алчно косился в его сторону, когда они рассаживались.

Он прикрыл глаза и почти сразу представил себе маленькую испуганную девочку, остановившуюся на краю узкой доски. Доска нарочно была плохо закреплена, нависая над узким желобом, наполненным какой-то вонючей дрянью.

– Чтобы не испачкаться и не чесаться потом всю ночь до болячек, ты должна пробежать по этой доске быстро! Настолько быстро, чтобы твои подошвы почти не касались доски. Только тогда ты сможешь удержаться, Ева!

Так? Приблизительно так учили ее приемные родители? Учили искусству выживать. И плевать им было – этим садистам, – что она маленькая и всего боится. И бежать по доске боится и не бежать боится тоже. Но чесаться ночью до кровавых болячек было тоже очень страшно, и не получить хлеба за плохой результат. И она бежала. Снова и снова, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Била, стреляла, бежала. За кусок хлеба. За скупую похвалу.

Она выжила. Она научилась быть сильной, быстрой, невидимой, неслышной. Научилась быть хитрой и выносливой. Но какой ценой!

– Слышишь, Егорушка? Слышишь, что я тебе говорю?

Егор дернулся и открыл глаза.

Голос принадлежал эксперту-криминалисту – Воле Сучкову, пятидесятивосьмилетнему худощавому мужчине неприметной внешности. Без его мастерства ни одно расследование не случилось бы. Он мог быть сговорчивым, быстрым, а мог быть и капризным и брюзгливым. Мог напиться и упасть на кушетку в своей лаборатории и проваляться на ней два-три дня, не давая никаких результатов. А мог не пить месяцами, удивляя расторопностью. Иной раз до кабинета не успевал дойти, как Вова звонил на мобильный и просил вернуться в лабораторию.

Вова Сучков был очень важным и нужным человеком. И проигнорировать его Егор не мог ни в коем случае.

– А? Что? – Егор потер лицо ладонями, заморгал, привыкая к яркому свету. – Вова, ты что-то сказал?

– Говорю, что за пакость такая? – спросил Вова, выкатывая на Егора водянистые, почти бесцветные глаза.

– В смысле?

– Почему все три ограбления случились на нашей земле? С чего вдруг грабителям припичило подкинуть нам такой скверной работенки? – Вова тяжело вздохнул, поглядывая на Егора с упреком. – А тут еще и труп нарисовался.

– Труп? – Егор перевел взгляд на Устинова, погрозил ему кулаком. – Ты же сказал, что непонятно ничего с трупом: есть он, нет?

Устинов дернул плечами и тут же отвернулся к окну.

А Вова продолжил ныть:

– И труп, Егорушка, есть. И пострадавших целых двое. Так что работенки хватит на целый день. Хорошо бы ночь не захватить! А у меня внуки приехали. А меня нет. Я их и так редко вижу, а тут такое... Ох, беда, беда, Егорушка.

– Что за пострадавшие? Кто они? – спросил он у Вовы.

– Охранники. Двое. По одному на каждый магазин. Опоили их чем-то с вечера, они и уснули. Сигнализация благополучно была отключена. Злоумышленники проникли внутрь, смели все цацки с прилавков, а там добра в каждом магазине на несколько миллионов! И благополучно скрылись.

– Не совсем благополучно, раз труп имеется, – заметил Егор. – Откуда, кстати, информация, Володь?

– Участковым на той земле мой приятель служит. Он мне по телефону вкратце все и обрисовал.

– Третий охранник был убит? Я правильно понял?

Вова молча кивнул, с тоской рассматривая сгорбленную толстую спину Устинова.

– Почему? Не уснул вовремя? – рассуждал Егор. – Как его убили?

– Предварительно – ножовое. Но будем посмотреть. – Вова, не сводя взгляда с Серегиных лопаток, заплывших жиром, укоризненно качнул головой. – Устинов! Не пора ли тебе на диету? Много сладкого жрешь. Полны карманы конфет.

– Да чего вы ко мне все пристали, я не понял! – взорвался Серега, его пухлые щеки пошли красными пятнами. – Сначала один. Потом второй!

– А пристали мы, Сереженька, потому что с коллегами делиться надо, – сложив обе ладони ковшиком, Вова примирительно улыбнулся. – Позолоти ручки, Устинов.

– В смысле? – глянул тот исподлобья.

– В смысле, конфеток сыпани. Ехать долго. А я без завтрака. И чувствую, что и без обеда останусь. – Вова с тяжелым вздохом осмотрел всех пассажиров. – Да и ужинать, ребятки, нам вряд ли сегодня придется.

Глава 6

Вера с кряхтением выбралась с пассажирского сиденья Юриной машины. Как хорошо, что он догадался оставить ее на стоянке в аэропорту. Не пришлось ловить такси.

Не переставая кряхтеть, пошла к багажнику.

Юрик ее опередил, уже открыл багажник, достал ее вещи, поставив чемодан и маленькую сумку, как всегда, на пыльный асфальт. Вера поморщилась, но упрекать не стала. Сил не было. Перелет был тяжелым, затяжным и некомфортным. И всю дорогу от аэропорта до дома она мечтала о ванне, теплом мягком халате, горячем чае и мягкой постели. Она даже есть не хотела, так устала. Точнее, выдохлась. До склок ли теперь у распахнутого багажника машины? Еще будет время, еще будет...

– Проводить? – Юрик взялся за ручки ее сумки.

– Нет. Сама. Давай, пока.

Вера кивнула ему, схватила сумку в одну руку, ручку чемодана в другую и покатила его, не обернувшись.

У лифта никого не было. И она с комфортом доехала до своего этажа. Звонить не стала. Денис должен быть в школе, вторник же. Порылась в маленькой поясной сумочке, нашла ключи, открыла дверь. Переступала порог вместе со своим багажом и, конечно же, застряла в двери. Разозлилась на себя – неуклюжую. Выругалась и запустила по прихожей сумку. Чемодан покатился следом. Далеко не уехал. Ткнулся колесиками в тапки Дениса и замер.

Вера захлопнула дверь, стащила с головы бейсболку, взъерошила волосы. Протяжно зевнув, принялась разуваться. И только выпрямившись, вдруг поняла, что что-то не так. Что? Пока было непонятно – бояться ей или злиться?

Тапки Дениса – почему они разбросаны? Он никогда так их не ставил. Всегда возле стены. А тут посреди прихожей, словно на бегу их скидывал.

Может, не он в них был? И Денис все же приводил в ее отсутствие девок? А ведь обещал, засранец.

Вера сжала губы, двинула ногой тапки племянника к стене и пошла по квартире.

Ну, нет же! Все в порядке. Никаких следов гульбы.

В квартире чисто. Кровать в его комнате заправлена. Посуда в кухне помыта, пол подметен. В ее комнате все, как было, так и есть. Носовой платок она по рассеянности оставила на туалетном столике. Там он и лежал.

Все в порядке! Тогда что так внутри ноет?! Как будто она что-то пропустила. Что-то не заметила.

Вера достала мобильник и набрала племянника. Абонент вне зоны. Тревожиться было рано. На уроках он всегда отключал телефон. Учителям это в нем нравилось. А Денису, Вера знала точно, всегда нравилось им нравиться.

Тревожиться было рано, но внутри уже все занималось диким холодом. Она набрала Юру.

– Ты далеко уехал, Юрик? – спросила она, когда он ответил.

– Нет. Не далеко, – произнес он с зевком и неожиданно признался: – Я все еще под твоими окнами. Стекла протирал, зеркала. А что такое?

– Поднимись. Есть дело, – скомандовала Вера и пошла ему открывать.

Она заставила его обойти всю квартиру раза три. Заставила смотреть, внимательно смотреть.

– Что ты видишь, Юра? – пристала она после того, как он развел руками и признался, что не замечает странностей.

– Только тапки, Верочка. Больше вроде ничего.

– Юра! – прикрикнула она. – Не будь тупым! Будь внимательным, ты же это можешь. Смотри еще раз! Что-то не то. Я чувствую, что что-то не то! Но никак не могу найти. Смотри!

Юра вздохнул и пошел снова по квартире. Он тоже устал. И мечтал о горячем душе, тарелке супа и мягкой подушке. Но послушаться Веру не мог. Не привык. Заглядывал везде. Даже заставил Веру встать с дивана и заглянул под подушки.

– Ну! – подняла она на его тяжелый взгляд. – Нашел что-нибудь?!

Спросила и тут же подумала, что, если Юра не найдет ничего подозрительного, не найдет никто. С его наблюдательностью и феноменальной памятью, ему бы в разведке служить, а он стал вором. От дел, правда, давно отошел. Но посидел в свое время достаточно.

– Учебники, – произнес Юра, почесывая макушку.

– Что учебники?

Вера непонимающе моргала, в голове мгновенно стало пусто и гулко. Слова старого друга звучали странным эхом, перекачиваясь из уха в ухо.

– Они на месте. А сегодня вторник. Он должен быть в школе.

– Да, должен. А где он, по-твоему? – рассердилась она даже.

– Где угодно, но не в школе, – пожал Юрик плечами. – Учебники на месте. Я сверился с его расписанием. И одежда, в которой он обычно в школу ходит, висит в шкафу. И еда...

– Что еда?! – Она громко всхлипнула.

Юра был прав. Книги действительно лежали на его столе стопкой. На самом краю. И все лежали. Она их видела. Значит, Денис не в школе. Тогда где этот паразит?! Где он?!

– Что еда, Юрик? – прохрипела Вера и откинулась на спинку дивана с зажмуренными глазами.

– Еда в холодильнике не тронута, минимум, неделю.

– Неделю?! – ахнула она, широко распахивая глаза. – То есть сколько нас не было, столько он и холодильник не открывал?

– Выходит так, Вера. – Юрик присел к ней на диван, нашарил ее ладонь, легонько сжал. – Вер, ты не сильно переживай. Загулял пацан. Объявится. Ему семнадцать, Вера. Себя помнишь в этом возрасте?

Она покосилась на него и промолчала.

Вспоминать себя в семнадцать лет ей очень не хотелось. Шальными они были, шальными и неправильными. Выпивала, курила, гуляла с парнями. Догулялась до беременности, сделала аборт. И подписала себе приговор – бесплодие. Потом ударилась в бизнес. Мало спала, много работала, подставляла конкурентов, были даже попытки устранения. Вовремя одумалась, не взяла греха на душу. Их и так, грехов этих, было – не отмыться.

Так что вспоминать себя в семнадцать лет ей было тошно. И еще гаже было думать, что Денис мог что-то подобное вытворить.

Денис! Ее мальчик! Умник, красавчик, хитрец...

Она за него жизнь отдаст, не раздумывая. Она сделает все, чтобы вытащить его из дерьма, если он туда ухитрился вляпаться в ее отсутствие.

– Юрик, он в беде, – проговорила Вера, еще раз осмотрев квартиру.

– Ну, с чего ты...

– Заткнись! – прикрикнула она. – Заткнись и слушай. Во-первых, прогуливать школу не в его характере. Во-вторых, он не терпит просроченных продуктов в холодильнике. Я могу сожрать. Он – нет. А там всю молочку три дня назад надо было выбрасывать. В-третьих, деньги.

– А что деньги? Пропали?! – вытянул шею Юрик.

– Они все целы. До рубля. А это скверно. Он не мог гулять, не потратившись. И в-четвертых, костюм...

Вера стояла возле окна в кухне и нервно теребила в руках сигаретную пачку, которую все не решалась открыть. Зарок себе давала – не курить. Особенно дома. Денис не выносил запаха табачного дыма.

– Что костюм? Школьный? Он на вешалке. – Юра осторожно вытащил из ее пальцев сигаретную пачку, сунул себе в карман штанов.

– При чем тут школьный костюм, Юра?! – заорала на него Вера, бешено вытаращив глаза. – Спортивный костюм Дениса! Черный спортивный костюм. Его нет! И черной шапочки нет! Как думаешь, зачем эта одежда ему могла понадобиться, а?!

Юра чертыхнулся и умолк. И стоял минут десять, уставив взгляд в пол. Потом поднял на нее серое лицо и произнес:

– Это скверно, Верочка.

– Да, скверно, Юрик! – фыркнула Вера.

Отобрала у него сигаретную пачку. Раскрыла, вытянула сигарету и закурила, стряхивая пепел прямо на подоконник. Рассеянно подумала, что, если бы сейчас ее увидел Денис, пришлось бы объясняться. Но он ее не увидит. Его уже неделю нет дома. Это ясно, как божий день. Он влип – ее милый, добрый мальчик, с порочными генами. Ведь чуяла! Чуяла, что он что-то такое затевает, а не проследила! Как могла пустить на самотек? Почему не послушала интуицию, позволившую ей выжить в девяностые. И не только выжить, но и подняться.

– Иди, Юра.

Вера поискала глазами что-нибудь, куда можно было ткнуть окурков. Не нашла. Швырнула его в раковину и затушила струей воды.

– Куда?

– Иди, узнай что-нибудь. Куда он мог... В общем, ты не дурак. Сам понимаешь. Иди. А я буду тебя ждать.

Юра отвернулся и тут же пошел к выходу, чтобы она не увидела его увлажнившиеся глаза. Вера, сама того не помня, точь-в-точь повторила свои слова, сказанные семнадцать лет назад. Его тогда закрыть должны были за одно скверное дело. А он скрываться решил. И тогда она его уговорила пойти в полицию и сдать. И сказала прямо так же:

– Иди. А я буду тебя ждать.

Он ее послушался. И не прогадал. В том деле потом появилось много новых фигурантов. Его роль отошла на четвертый план. И он отделался минимальным сроком в два года. А Вера не соврала. Дождалась. Хотя он точно знал, мужики вокруг нее круги нарезали.

Он вышел из подъезда и сразу позвонил по телефону, который со смешком называл «телефоном доверия».

– Какие люди, – отозвался тут же номер противным гнусавым голосом.

– Какие новости? – тут же спросил Юрик.

– Тебя больше внутривластные новости нашей страны интересуют? Или международные? – попытался острить его собеседник.

– Меня не было чуть больше недели. – Юрик на шутку не отреагировал. – Что в городе? Что-то произошло, о чем мне следует знать?

– Уж не знаю, интересно тебе это или нет, но кое-что случилось. Будешь записывать или так запомнишь? – Гнусавый голос перешел в отвратительный смех.

– Запомню, – стиснул Юра зубы. – Говори. А я решу, интересно это или нет...

Вера стояла там же, где он ее оставил – возле окна в кухне, и смотрела сквозь пыльное стекло на своего старого друга. Он сидел на скамейке и с кем-то говорил по телефону.

Новости были нехорошими, это она поняла сразу. Юра ни разу не поднял головы, не посмотрел на ее окна. Смотрел на пыльный асфальт и беззвучно шевелил губами. Потом он

убрал телефон в карман штанов и еще какое-то время сидел на скамейке, потирая затылок растопыренной пятерней.

Подбирает слова!

Внутри все сжалось, заболело, к горлу подкатила тошнота.

Почему?! Почему она ни разу не позвонила Денису из поездки?! Потому что у них не было принято? Все было на доверии?

Да к черту условности и все договоренности мира! Она должна была позвонить, должна была его проконтролировать, наставить. А вместо этого она занималась своими делами. И ни разу, ни единого разу не обеспокоилась. Она так и не стала ему родной матерью, хотя все эти годы стремилась. Материнский инстинкт продиктовал бы ей, он просигналил бы об опасности, и она позвонила бы Денису. Она все бросила бы к чертям и бросилась ему на помощь. Она бы спасла его, как бы сделала настоящая мать.

Но она не была настоящей матерью. И инстинктом не обладала. Она убила его – этот инстинкт. Вместе со своим не родившимся малышом убила.

– Сволочь... – простонала Вера, наблюдая за тем, как медленно Юра идет к подъезду. – Какая же ты, Вера, сволочь!

Прошло три минуты, пять, десять? Куда он пропал? Он что, на каждом этаже, на каждой ступеньке джигу пляшет?!

Наконец-то! Вошел, застыл в дверях кухни, молчит.

– Ну! – прикрикнула она на него скрипучим голосом. – Что ты узнал?!

– Ты только раньше времени не бесись. Ничего еще не известно. И все может быть в порядке. Не бесись, Верочка, – попросил он, но очень неубедительно это прозвучало.

Все! Ну вот и все! Сейчас Юра это скажет...

Вгонит в ее грешную душу осиновый кол. И она – старая ведьма – подохнет прямо тут вот: под батареей на своей кухне. Свернется клубком и подохнет. Потому что без Дениса она жить не будет. Ни за что!

– Говори, – прошептала она. – Давай уже покончим с этим.

– Неделю назад, в ту ночь, как мы уехали, ограбили Сергеева.

– Того самого Сергеева? – не оборачиваясь, уточнила Вера.

А в голову больно ударило: а она ведь подозревала, что ее мальчик что-то такое затевает. Ныла ее душонка, и еще как ныла.

– Того самого.

Она угадала, что Юра кивает.

– Что украли? Ценности, картины, деньги?

– Ты не поняла, Верунь, – отозвался ее старый друг. – Обокрали сразу три его ювелирных магазина.

Она медленно повернулась. Прищурилась. Произнесла, не слыша собственного голоса:

– Вот как?

– Да. Сразу три. – Юра снова распластал пятерню на затылке.

– Нашли грабителей?

Она оглохла? Почему она не слышит того, что произносит? Или ей только кажется, что она говорит, а на самом деле слова вязнут во рту, не пробиваясь сквозь тесно сжатые зубы.

Но Юра отвечает ей, значит, слышит.

– Нет, конечно, – фыркнул Юра почти весело и неожиданно задвигал ступнями по полу кухни, словно собрался станцевать. – Не для того грабили!

– Я поняла тебя, – оборвала она его веселье. – И? Что ты хотел мне сообщить важного?

И вот тут Юра запнулся.

Важное было страшным. Или он пока не был в этом уверен? И не успел подобрать нужных слов, пока шел от скамейки до двери ее квартиры?

- Говори как есть, Юрик, – снова странным неслышным голосом попросила Вера.
- Ограбили одновременно сразу три точки. Охрану опоили чем-то. Сигнализацию отключили, – принялся он мямлить, очень внимательно рассматривая свои носки.
- Обувь она всегда заставляла его оставлять в прихожей.
- И?
- Все прошло почти безупречно. Ну, это я как профессионал тебе заявляю.
- Юрин тонкогубый рот дернулся и растянулся в странной гримасе почти до ушей.
- Что это было? Верочка задумалась, отвлекаясь. Сожаление о загубленном таланте вора? Зависть к бывшим коллегам, сумевшим обойти охранные системы и сыграть на человеческом факторе?
- Почти? – тут же зацепилась она за нечаянно оброненное Юрой слово. – Что пошло не так?
- На одной из точек... – Он запнулся, рот растянулся еще шире.
- Юра! – крикнула она на него.
- И ушам сделалось больно, словно кто проткнул их острой длинной иглой. Слух вернулся.
- На последней точке охранник не уснул. И его убили. Ножом. Или заточкой. Точно не скажу. Вернее, думали сначала, что это охранник. Потом не опознали в нем сотрудника.
- Он замолчал, снова принимаясь рассматривать свои носки. Новые. Чистые. Без намека на дырки. Он их перед вылетом надевал в отеле. Летели четыре часа всего. Чего он на них уставился?
- А кого опознали? – спросила она, чувствуя, что страшно замерзла.
- Подошла к батарее и потрогала. Горячие. И в кухне жарко, даже душно. Почему она мерзнет?
- Пока никого, Верунь, – признался он, поднимая на нее бледное невзрачное лицо. – Парень в черном костюме и черной шапочке. Очень молодой. Его пока не опознали.
- Что значит пока?! – взвизгнула она на страшно высокой ноте. – Что ты этим хочешь сказать?!
- Он провел по лицу ладонью, закрывая глаза, как если бы он умер и сам себе опустил веки.
- Я хочу сказать, что нам надо туда поехать. На опознание. Вдруг это... Вдруг это Денис?

Глава 7

– Майор, зайди, – скомандовал на ходу полковник Строгинов.

Егор мысленно чертыхнулся. Угораздило его пойти за кофе именно в тот момент, когда полковник по коридору идет. У Устинова чутье. Тот руководство спинным мозгом чувствовал. И ни разу не попался на глаза в момент, который считал неблагоприятным.

У Егора так не выходило. И Строгинов ему каждый раз едва на пятки не наступал, стоило выйти за кофе или в столовую.

Как следствие – десятки загубленных обедов, сотни не выпитых стаканчиков кофе. А все почему? Все потому, что после визита в его кабинет аппетита Егор лишался начисто. До самого вечера, а то и до утра.

– Так точно, – пробурчал он тихо в спину полковника Строгинова.

И пошел за ним следом, пытаясь угадать, что он на этот раз сделал не так. В производстве не было никаких резонансных дел. Все шло в рабочем порядке. С чего такой насупленный взгляд в его сторону, сдвинутые к переносице брови?

Признак-то был нехороший. Грядет разнос. Только вот за что?

– Я занят, – едва глянул на секретаря Строгинов.

Секретарь кивнула и еле слышно произнесла:

– Так точно, товарищ полковник.

Хотя, на взгляд Егора, могла так и не говорить. Она была лицом гражданским.

«Всех запугал», – мелькнуло у него в голове.

– Входи.

Строгинов вошел в кабинет первым. Сразу сел на свое место. Ему присесть не предложил. Признак еще хуже.

– А доложи-ка мне, майор Минаков, что у тебя по делу с тройным ограблением сети магазинов, принадлежащих Сергееву?

Строгинов старательно смотрел мимо него, перебирая бумаги на столе.

Егор подозревал, что надобности в этом бумажном шуршании не было никакой.

– Работаем, товарищ полковник.

– Работаете? Хорошо. – Полковник сдвинул бумаги к краю стола, поднял на него взгляд, способный заморозить воды Атлантики. – А как работаете, доложи?!

Чуть не брякнул, что хорошо. Вовремя остановила природная осторожность. Потому что не очень-то хорошо им работалось по этим грабёжам. Свидетелей не было. Камеры были отключены. Так что никакого видеоподтверждения. Охранники в один голос мычали, что ничего не помнят. Что выпили минералки из автоматов, расположенных на входе в торговые залы. И все, дальше – провал. Воду из автоматов изъяли, тщательно исследовали. Ничего не нашли. Вода кристально чистая. А вот в крови охранников была обнаружена лошадиная доза снотворного. Как так?!

– Значит, напичканную снотворным бутылочку с водичкой оставили в автомате уже после закрытия магазина или перед самым его закрытием, – сделал заключение Вова-эксперт. – И сделать это мог тот человек, который автоматы обслуживает. И надо тебе, Егорушка, его найти.

А человек, обслуживающий автоматы, оказывается, в тот день в ДТП попал. На своем скутере. Прямо незадолго до закрытия магазинов. И обслужить автоматы с питьевой водой и шоколадными батончиками никак не мог. А кто вместо него приехал, неизвестно. Это осталось за кадром. Охранники хором утверждают, что парень был тот же. Зашел. Поздоровался. Быстро зарядил минералку, печенья, шоколадки и уехал.

Это то, что касалось двух ограбленных магазинов. С третьим все было как-то не так. Там автомат никто не вскрывал. Не пополнял. Вода там была без снотворного. И охранник был

жив на момент, когда совершалось ограбление. А потом его убили. Нанесли серьезное ножевое ранение. И умер он в результате серьезной кровопотери.

– Только вот что странно, товарищ полковник, – докладывал Егор, стоя перед полковником навтыжку. – По заключениям экспертов, нападение на охранника было совершено приблизительно в четыре часа утра. И смерть его наступила через полтора часа после нападения. Приблизительно в половине шестого.

– И в чем странность?

Взгляд полковника становился все холоднее и тяжелее. Не упасть бы на его ковер ледяным куском и не разлететься бы на сотни мелких осколков.

Егор судорожно сглотнул.

– Странность в том, что ограбление предположительно было совершено часа в два ночи.

– Есть свидетели? – усмехнулся полковник.

– Так точно. Двое бездомных живут в подворотне неподалеку. Так вот они утверждают, что ровно в два часа ночи глазок сигнализации на магазине погас.

– Ух ты! – Брови полковника нехорошо изогнулись. – У бездомных и часы есть?

– Часы, товарищ полковник, на магазине дешевой одежды напротив ювелирного магазина. Табло электронное с часами, температурой окружающей среды и...

– И они пришли туда в два часа ночи время посмотреть? Что ты несешь, майор?! – Полковник снова схватился за стопку бумаг и принялся их перебирать. – Ты себя слышишь?! Свидетели у него! Бомжи! Которые точно запомнили время, когда сигнализация потухла на ювелирном магазине. С этим в суд пойдешь? С показаниями бомжей? А ты для начала найдешь их, а?

Егор мог бы сказать, что бездомные эти были вполне себе ничего – приличные почти люди. От них даже спиртным не пахло, когда они давали показания под протокол. И паспорт у одного из них имелся. Даже с пропиской!

На вопрос, почему скитается, ответил просто:

– Не хочу никому мешать.

Он был вполне адекватен, этот бездомный, с пропиской в ближайшем Подмосковье. Не верить ему Егор не мог. Тем более что бездомный заметил еще одну странность в ту ночь.

– Когда погас огонек сигнализации над дверью ювелирного магазина, то жалюзи на окнах тут же закрылись. Хотя всегда и днем и ночью бывали открыты.

– А он там негласное наблюдение вел, чтобы потом тебе под протокол все это рассказать! Не смей меня, Минаков! – зло фыркнул Строгинов, глядя на него исподлобья. – И вообще, что они там делали в два часа ночи? Может, это они магазин и ограбили?

– Они там в два часа ночи в мусорке рылись, – нехотя признался Егор. – Там по соседству с магазином недорогой одежды продовольственный ларек. И раз в три дня выбрасывают просроченные продукты. Вот они...

– Хороши свидетели! – обрадованно протянул полковник. – Пошли на помойку пожрать, пардон. Попутно увидели, что на ювелирном магазине ровно в два часа ночи отключилась сигнализация, на окна опустили жалюзи и... И случайно убийцу они не видели? Того, кто парня уложил ножом? А, майор? Что молчишь?

Добавить было нечего. Больше его свидетели ничего не видели. Сосредоточились на содержимом мусорных контейнеров. Да даже если бы и видели что-то подозрительное, полковник ясно дал понять – это не персоны для судебного процесса. Их слова – пыль.

И все равно его наезды Егор считал несправедливыми. И не понимал, почему он так категоричен?

– А мне плевать! Хоть насекомых на месте происшествия опрашивайте! Но чтобы был результат! – надрывался частенько Строгинов. Это когда следствие топталось на месте. – Опрашивайте собачников. Их питомцев! Мне плевать! Мне нужен результат!..

А тут два вполне полноценных свидетеля, а он гневается. Почему? В чем причина? Она же не может не существовать. Она же имеется.

– Ты не в курсе, почему так? – спросил Егор у Устинова, вернувшись в кабинет.

– А ты что, Егор, не знал, что наш полковник с пострадавшим дружбу водит?

– В смысле, дружбу водит? – У Егора тут же зачесались щеки.

Так бывало всегда, когда его нервные клетки принимались с бешеной скоростью разрушаться.

– Ты о чем?

– Я о том, товарищ майор, что наш полковник негласно дал команду спустить это дело на тормозах. Мне уже Сучков звонил и пытался возмущаться.

– Вова? А он на какой предмет возмущался?

– А на тот самый, что время смерти, поставленное в морге, совсем не то, что предположительно установил он. Даже пытался кричать, – сделал страшные глаза Серега Устинов.

– Вот как...

Егор насупился и замолчал. В голову полезли забытые отвратительные мысли о преступной халатности, о нарушениях процессуального порядка, о несоблюдении правил должностной инструкции. Что там еще вменяли Еве, когда рыли под нее? Нарыли, уволили. И только за то, что не те задницы прострелила. А тут что выходит? Их начальник дает негласное распоряжение не рыть глубоко? И только потому, что дружит с хозяином ограбленных магазинов?

Погодите, погодите, господа! А чего это хозяин ограбленных магазинов не заинтересован в поимке преступников? Как-то нелогично!

– Не находишь, Серега? – Егор снова потер щеки ладонями. – Что за дела?

– Ох, Егорушка, Егорушка...

Серега сморщил полное лицо и взглянул на него, как на несмышленища. А потом обвел взглядом стены и потолок кабинета. И пальцем поводил, намекая на то, что и у стен есть уши. И уши эти вполне могут тут быть установлены отделом собственной безопасности.

– Ты на обед пойдешь, Егор? – спросил Серега и поиграл выразительно бровями, снова запуская взгляд по периметру.

– Пойду.

– Вот и славно, – обрадовался Устинов и провел щепотью пальцев по губам, словно застегивал рот на невидимую молнию, добавив: – Поболтаем.

До обеда Егор еле высидел. Хотелось бросить все к чертовой матери. Пустить веером по кабинету гору бумаг, оказавшихся ненужными. Пусть уборщица их вечером соберет и сунет в свой мешок для уничтожения на свалке. Кому нужна оказалась его работа?! Все уже решили.

– Ты что будешь?

Серега резко остановился с подносом, словно споткнулся. На раздаче стояла тарелка с картофельным пюре и котлетой. Всего одна тарелка. Другие были с макаронами и гуляшом.

– А ты? – спросил Егор.

Ему лично было все равно, чем утолить голод. Если бы котлета заглушила жгучую обиду, он бы взял ее. А так – без разницы.

– Я котлетку хочу, – надул губы по-детски Серега.

– Ну и бери. Я и макароны съем.

Тот быстро схватил тарелку с последней котлетой, будто боялся, что коллега передумает. Нахватал булок с повидлом и яблоками. Сразу два стакана компота. И пошел к дальнему столу в углу. Хорошо – был свободен.

Они расселись. И Серега сразу забубнил, успевая при этом еще и жевать:

– Ходят слухи, что пострадавший хорошо застраховал все свои торговые точки.

– Оп-па! Так, может, это он? Он сам все и устроил?

– Нет. – Серега мотнул головой, задумался. И снова проговорил: – Нет, вряд ли. Страховка была оформлена еще перед Новым годом. Он их постоянно оформлял. И дом свой страховал. И квартиры. Из года в год. Вряд ли... Так совпало.

– И?

– Так вот два ограбления признаны страховым случаем. А третий – нет.

– Почему? Потому что там произошло убийство?

– И не только. Что-то там страховщикам не понравилось. Какие-то несостыковки или еще что. Я точно не знаю. Но пока идет следствие по убийству, он ни черта по третьему эпизоду не получит. А там самое серьезное ограбление. Там вынесли все к чертям.

Серега проглотил котлету, почти не прожевав. Закидал в рот картошку, та исчезла в мгновение. Он схватился за булку с повидлом.

– Ты же сам был на всех точках, не заметить не мог, что почерк отличается, – вроде как с упреком произнес Серега, хватая первый стакан с компотом.

– Кое-что показалось странным, да.

– Так вот, страховщики тоже не дураки. Тоже заметили некоторые странности. И встали в позу. А еще и убийство. Сергеев ведет, конечно, переговоры. Пытается утрясти ситуацию. Деньги-то по страховке немалые. Но пока никак. Топтание на месте.

– А что конкретно им не нравится в этом убийстве?

– А то, что одна из сотрудниц их службы безопасности утверждает, что ограбление случилось задолго до того, как там оказался убитый. Она уверяет, что его вообще там не было на момент ограбления.

– То есть она ставит под сомнение ограбление магазина сторонними лицами? – ошеломленно вытаращился Егор.

– Типа того. Ее, конечно, пока задвинули. Отобрали у нее это дело, но она его не бросает. И Сергееву ясно дали понять: договорится с полицией, то норм. Признают случай страховым. Если нет, то извините. Выплаты не будет. А все эта дамочка. – Серега странно хихикнул, уничтожая обед с космической скоростью. Уже и второй булки не стало. – Говорят, Сергеев просто зубами скрипит, когда с ней общается. Слышно даже, как скрипит! Говорят так...

– Ишь ты! Принципиальная какая. Молодец, – похвалил Егор. – Прямо как наша Ева.

– А почему как? – хмыкнул Устинов. – Это она и есть. Она уже несколько недель работает в страховой конторе. А ты не знал?

Глава 8

Она вернулась сегодня с работы позже обычного, но все равно успела завернуть в магазин и купить продуктов. И теперь с удовольствием готовила себе ужин. Она всегда готовила и ела с удовольствием.

Тушка курицы лежала на подушке из соли в духовке и медленно покрывалась аппетитной корочкой. Картошка варилась в кастрюльке. Вместе с луковицей и тремя дольками чеснока. На столе в красивой тарелке блестел располосованный на кружки огромный помидор. Рядом на салфетке три куска хлеба.

– Неужели ты все это съешь, Ева?

Лида Ермакова непременно спросила бы именно так, окажись она тут. И с подозрением оглядела бы ее тощую фигуру. И с завистью добавила бы:

– Жрешь, как не в себя! Хоть бы грамм жира!..

Жира не было. А ела она много. С тех самых пор, как их освободили из плена под громким названием «приемная семья», она не может наесться. И не толстеет.

– А знаешь почему, Лидочка? – непременно спрашивала она соседку по даче.

– Почему? – отзывалась та с интересом.

– А потому, что я не просто ем, я получаю удовольствие. От каждого глотка сладкого чая. От каждого куска хлеба.

– Ладно выдумывать, – не понимала Лидочка. – Еда она и есть еда.

– Голод, – отвечала ей Ева лаконично. – Я знаю, что такое голод...

Что-то она по ней заскучала. Как она там, интересно? Все у нее хорошо?

Лидочка настырно не съезжала с дачи почти до Нового года. А иногда и на праздники там оставалась. Боялась, что дом разграбят. Хотя, по мнению Евы, брать там было совершенно нечего. Ценностей никаких. Дрова одни. Так она называла мебель, свезенную Лидочкой на дачу из городской квартиры после ремонта.

Она еще раз заглянула в духовку. Потыкала курочку острой деревянной палочкой. Сок, брызнувший из-под румяной кожицы, был прозрачным. Готова.

Ева выключила духовку, достала форму с курицей, накрыла фольгой. Должна постоять минут десять. Взяла в руки телефон.

Лидочка ответила сразу и принялась тут же ныть. И скучно ей там, и одиноко. И Ева – бессовестная – взяла и съехала до срока.

– Что там тебе в твоём городе, вот что? – бубнила Лидочка сонным голосом. – А тут красота. Воздух свежий, прозрачный.

– Я на работу вышла, Лидочка, – перебила ее Ева.

– Да ну! Снова в полицию? Ну, все... Хана теперь твоему участку. Так была хана, а теперь особенно. Может, по весне я засею тут все, а, Ева? Надоедать не стану. Буду как мышка. Обещаю! Урожай пополам. Так как?

– Видно будет.

Ева поморщилась, снова представив соседку с ведрами и тяпками, снующую по ее участку.

– Не отказала, уже хорошо, – повеселела сразу Лидочка. – А в выходной приедешь?

– Не знаю. – Ева посмотрела на календарь. До выходного было еще три дня. – Не знаю.

– Приезжай. Приезжай, Евочка. Я тыкву в духовке запекла с курагой, изюмчиком, как ты любишь. Тыква знатная у меня в этом году. Не то что у тебя. Даже следов не нашлось, – фыркнула она весело. – Приедешь? Приедешь на тыквовку, а?

– Постараюсь, – неуверенно пообещала Ева.

Они минут пять еще болтали ни о чем и простились, договорившись в выходной встретиться.

Ева достала из ящика разделочный нож с большой двурогой вилкой, занесла руки над курицей, намереваясь отрезать себе пару кусочков, как телефон снова зазвонил. Лида что-то забыла сказать?

– Да! – крикнула она раздраженно, даже не взглянув, кто звонит.

– Добрый вечер, – отозвалась трубка голосом Егора. – У меня для тебя кое-что есть. Можно зайти?

Ева еле сдержалась, чтобы не выругаться. Вот совсем никого она сейчас видеть не хотела. Никого, включая Егора с его новостями. Ее потрясение от статей трехмесячной давности почти улеглось. Она сейчас на новом витке. Все отошло куда-то и стало неинтересным. Несколько раз даже порывалась позвонить Егору и дать отбой. Но забывалось.

– Что-то важное?

Совесть кольнула не больно. И тут же уступила место эгоизму.

Ева с сожалением взглянула на стол, накрытый к ужину на одну персону. Никого сейчас не должно быть за этим столом, кроме нее.

– Я не могу знать, Ева, важно это для тебя или нет, – с явным раздражением ответил Егор. И не давая ей возможности отступить, скомандовал: – Открывай, я уже у двери.

Ева поплелась в прихожую. Открыла.

– Привет, – буркнул он и вошел. Сунул ей в руку белую розочку. – Это тебе.

– Спасибо. Догадалась.

Егор стащил с ног пыльные ботинки. Поискал взглядом свои тапочки. Они у него тут были раньше. Не нашел, счел это отвратительным знаком, и пошел за Евой в кухню в носках.

– Ужинать будешь? – спросила Ева, доставая со вздохом еще одну тарелку из шкафа.

Розу она швырнула на подоконник и тут же забыла о ней. Цветов в доме она не понимала. Цветы должны расти в саду, на клумбе, в поле. В доме им делать было нечего.

– Не буду, – неожиданно загадочничал Егор, хотя от запахов на кухне у него голова закружилась.

– Как хочешь.

Тарелка тут же вернулась на место.

– Что за новости, Егорушка? – Ева встала у подоконника, скрестила руки на груди,глянула сердито. – Наверное, важные, раз пригнали тебя в такое время на другой конец города.

– Важные или нет, тебе решать.

– Говори. – Ева поморщилась, кивнула на стул. – И присядь уже. В ногах правды нет.

Егор сел к столу, тут же потянулся за куском хлеба. Услышал ее недовольный вздох и сцапал еще и помидорное кольцо. Откусил, начал медленно жевать. Нарочно медленно. Тянул время.

– Ты почему не сказала, что устроилась работать в страховую компанию?

– А это так важно?

Ева снова достала тарелку и швырнула ее на стол перед Егором. Рядом положила вилку. Проворчала что-то про невымытые руки, но в ванную не погнала. Начала кромсать курицу, красиво выкладывая кусочки на блюдо. Сбоку наложила картошки. Поставила в центр стола. Села. Приказала:

– Ешь.

– Спасибо.

Он взглянул на Еву исподлобья. Попытался из вредности найти в ней следы усталости или подступающего увядания. Тридцать лет все же, не шестнадцать.

И не нашел.

Она по-прежнему была невероятно красивой. Гладкая кожа, черные блестящие волосы, удивительные зеленые глаза. Он ни у кого больше не видел таких глаз. Ни у кого!

– Почему не сказала, Ева? Когда ты была у меня. Когда ты меня лечила...

– Все было еще в стадии переговоров, – перебила она его, щипая от куриной грудки крохотные кусочки мяса и отправляя их в рот. – Чего языком молоть? Я и сейчас на испытательном сроке. Могут и не оставить меня.

– Если провалишь дело по ювелирным магазинам?

Она стрельнула в него осторожным взглядом и промолчала.

– А тебя разве от него не отстранили?

И снова тишина в ответ.

– А мне вот полковник почти приказал спустить это дело на тормозах. Представляешь?! – И Егор громко стукнул о стол вилок. – Извини... Но так это все...

– Как? – отозвалась Ева заинтересованно.

– Неправильно. У меня даже свидетели есть по третьему эпизоду, которые видели, как в два часа ночи погас огонек сигнализации, а на окнах опустились жалюзи.

– И? – Ее взгляд медленно загорался азартом. – Полковнику они не подошли?

– Высмеял, представляешь! Бомжи для него уже не свидетели. Раньше с насекомых готов был показания брать. Образно, конечно...

– Я помню, Егор, – еле заметно улыбнулась Ева. – А то, что Сергеев и ваш полковник Строгинов дружат, ты не знал?

– Узнал только вчера. Устинов сказал.

– О! Устинов! Кто бы сомневался, – фыркнула Ева. – Все-то он всегда знает. Что еще он говорит, Устинов твой?

И Егор начал рассказывать. Про страховку, которую жаждет получить Сергеев по всем трем эпизодам. Про странности в ограблении последнего магазина. Про неопознанный труп.

– Почему неопознанный? Это же вроде охранник?

Ева даже есть перестала, нахмурилась.

– Открестился наш господин Сергеев от этого парня. Не мой, говорит. В штате не состоял. И на этой точке вообще в штате охранника нет. – И безошибочно угадав по взгляду, какой вопрос последует, Егор замахал руками. – Да проверяли штат, проверяли, конечно. Не нашли такого человека. И персонал опрашивали. Все! Все от него открестились. И личность у нас пока не установлена. Бесхозный!

– А пропавших без вести проверяли?

– А как же! И пальцы катали. Не наш клиент. – Егор со вздохом взял с тарелки куриную ножку, с неожиданной грустью проговорил: – Как же это все... как же это все вкусно-то, Ева! Просто с костью можно съесть.

– Давай тогда просто есть, – предложила она. – Разговоры потом.

Поужинали молча.

Стоя рядом возле ее большой раковины, вымыли посуду. Ева протерла тарелки, убрала в шкаф. Снова указала Егору на стул у стола.

– Итак, что у вас есть, Егор Кириллович? Только давай на полном доверии, ага? Как раньше.

– Давай.

Он дотянулся до ее руки, погладил ладошку. Она не отобрала.

– В общем, Устинов полагает, что Сергеев за два эпизода страховую премию получит. А по третьему – нет.

– Есть такое мнение, – кивнула Ева. И осторожно пальчики из руки Егора вытянула. – Но если Сергееву удастся договориться с полицией, то...

– То ему выплатят страховку, – подхватил Егор, немного расстроенный, что Ева не дала ему подержать свою руку.

– А для этого нужно?...

– А для этого нам нужно будет доказать, что убитый – это один из грабителей. Грабители просто не поделили добычу, поссорились, и произошло убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.